

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 17 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ 25-лѣтію Общества драматическихъ писателей. — По поводу увольненія г. Коноса. — Опытъ натуралистическаго изслѣдованія современной оперетки (продолженіе). П. Марсона. — Художникъ-индивидуалистъ. А. Ростиславова. — Музыкальная замѣтка. Б. М. Соловьева. — Хроника театра и искусства. — Письмо въ редакцію. — Въ странѣ солнца и золота. Ю. М—ва. — Черный трагикъ. В. Далма-

№ 42.

това. — Заграницей. — Провинціальная лѣтопись. — Репертуаръ. — Объявленія.

Рисунки: Памятникъ Самойлову. — «Преступленіе и Наказаніе» (3 рис. С. С. Соломко, И. А. Суворова, эпилוגъ-фотографія), «Дама отъ Максима» (рис. А. Р—ва), виньетка П. И. Ассатурова.

Портреты: Я. А. Дельера, Григоровича, Кшесинскаго 2, г-жъ Миткевичъ и Голубевой.

Продолжается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Театральныя справочно-статистическія
Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ — Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатскаго; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ.

Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 часовъ.

С.-Петербургъ, 17 октября.

21 октября исполняется 25-лѣтіе Общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Въ будущемъ номерѣ мы представимъ краткій очеркъ развитія этого учрежденія. Искренно привѣтствуемъ почтенное Общество съ знаменательнымъ днемъ, и пожелаемъ ему всякихъ благъ—матеріальныхъ, тѣсно связанныхъ съ ростомъ театральнаго дѣла, и иныхъ—назовемъ ихъ идеальными—отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ этотъ ростъ.

Двадцать-пять лѣтъ—срокъ не малый для русскаго общественнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, кромѣ неукоснительнаго взысканія недоимокъ и

правильной отчетности денежныхъ суммъ, почтенное Общество мало чѣмъ себя заявило. Едва ли другое какое-либо литературное общество проявляло такое безучастіе и такой недостатокъ инициативы.

Послѣ реформы первоначальнаго устава, предпринятаго съ цѣлью очистить составъ Общества отъ непризнанныхъ драматурговъ и ненастоящихъ литераторовъ, Общество, оставшись при однихъ записныхъ и патентованныхъ драматургахъ, сосредоточило всю свою дѣятельность на полученіи и расходваніи суммъ. Общество принимало мало участія въ обще-литературныхъ, обще-театральныхъ вопросахъ, не заботилось о нравственномъ и матеріальномъ поощреніи начинающихъ авторовъ, мало интересовалось законодательными опредѣленіями, регулирующими то право литературной собственности, на которомъ зиждутся доходы Общества. Новый проектъ авторской собственности составленъ, повидимому, безъ всякаго содѣйствія Общества драматическихъ писателей, въ чемъ убѣждаетъ насъ отсутствіе въ проектѣ специальныхъ о драматической собственности постановленій, хотя авторская собственность драматурга представляеть не малое особенностей. Несмотря на то, что среди самихъ членовъ Общества были случаи контрафакціи, весьма злостной и въ то же время почти неуловимой, Общество не нашло нужнымъ выступить съ мотивированными ходатайствами. Для изданія списковъ безусловно дозволенныхъ пьесъ, какъ для общихъ, такъ и для народныхъ театровъ, пришлось ждать почина Театральнаго Общества, хотя, казалось бы, это прямое дѣло Общества драматическихъ писателей. Въ административныхъ сферахъ, сколько помнится, едва-ли часто

поступали мотивированныя ходатайства, направленные къ устройенію того самаго дѣла, которому Общество служить и которымъ существуетъ. Все вниманіе устремлено на взиманіе и распредѣленіе суммъ, съ тою лишь особенностью, что расходы по взиманію и сбору авторскаго гонорара весьма велики.

Говорятъ,—впрочемъ, не знаемъ, насколько эти слухи достовѣрны—что къ торжественному дню 25-лѣтія, администрація Общества, по собственному почину, рѣшилась предложить уменьшеніе процента вычета съ авторскаго гонорара. Будемъ надѣяться, что этотъ слухъ оправдается. Что финансовая часть велась всегда въ порядкѣ—это безспорная заслуга правленія Общества, и мы очень рады ее засвидѣтельствовать къ юбилейному дню. Но вѣдь этого мало. Необходимо реорганизовать дѣло въ самой основѣ, сократить расходы по администраціи, направлять избытки поступлений на какія-нибудь общепользныя для авторовъ дѣла, на преміи, на пенсіонный фондъ драматическихъ писателей. Не говоримъ уже о томъ, что распредѣленіе голосовъ членовъ, соответственно суммѣ получаемого ими гонорара, недостойно литературнаго общества. Это—просто даже неловко. Нельзя же считать первымъ драматургомъ г. Крылова, потому что онъ печетъ переводы, передѣлки и оригинальныя пьесы, какъ блины, и при этомъ безошибочно «пографляетъ» публикѣ. Слѣдуетъ проявить больше участія къ театру, къ сценическимъ дѣятелямъ, къ Театральному Обществу, къ народнымъ театрамъ. Неловко какъ-то за 25 лѣтъ не издать ни одного руководства по монтировкѣ пьесъ, ни одного каталога, съ указаніемъ числа персонажей и декораций, ни одного сборника и указателя для народныхъ театровъ, ни одного систематическаго свода узаконеній и распоряженій по своей специальности, ни одного статистическаго указателя общерусскаго репертуара, для соотвѣтствующихъ выводовъ. Все это было бы небезполезно для развитія и коммерческой стороны дѣла, а какъ было бы полезно для театральныя дѣятелей, для исторіи и статистики театра—объ этомъ излишне распространяться.

Будемъ думать, что первую четверть вѣка Общество собиралось только съ силами. Такіе періоды часто предшествуютъ эпохѣ реформъ и обновленія. Сначала девизъ—«enrichissez—vous», а потомъ наступаетъ пора производительной работы. Первая часть программы выполнена. Общество очень богато къ 25-лѣтнему юбилею средствами. Остается отнынѣ богатѣть любовью къ литературѣ и искусству, предприимчивостью и инициативой, отзывчивостью и просвѣщенностью. Говорятъ, по нынѣшнимъ, тугимъ и жестокимъ экономическимъ временамъ, это легче, нежели приобрести неприкосновенные капиталы.

Увольненіе преподавателя московской консерваторіи г. Конюса надѣлало большого шума въ Москвѣ. Въ одной изъ газетъ по поводу этого увольненія мы встрѣтили довольно странное оправданіе немотивированнаго увольненія г. Конюса. Смыслъ этого оправданія въ томъ, что разъ директоръ консерваторіи г. Сафоновъ не нашелъ возможнымъ продолжать службу вмѣстѣ съ г. Конюсомъ, то онъ имѣлъ право поставить вопросъ ребромъ, не вдаваясь въ объясненіе причинъ. Неужели Дирекція Музыкальнаго Общества, въ составѣ которой находятся, между другими, именитые и почтенные юристы, раздѣляетъ столь ненормальное правовое положеніе служащихъ въ ея учрежденіяхъ?

Мотивовъ увольненія г. Конюса мы не знаемъ и судить поэтому не беремся. Но замѣтимъ, что такое кругое «sic volo, sic jubeo» примѣняется, вообще, въ учрежденіяхъ Музыкальнаго Общества. Напомнимъ закрытіе класса пѣнія г. Тихонова въ харьковскомъ Музыкальномъ училищѣ,— исторію, о которой у насъ была напечатана весьма обстоятельная статья. Любопытно было бы знать, имѣютъ ли какое-нибудь существенное значеніе въ жизни музыкально-образовательныхъ учреждений педагогическіе совѣты, или ихъ роль сводится къ нулю? Судя по тому, что вопросы объ увольненіи преподавателей обсуждаются въ совѣтахъ, можно думать, что управленіе построено на коллегіальномъ началѣ. Судя же по тому, что члены коллегіи сами пишутъ протестующія письма, слѣдуетъ заключить, что фактически педагогическіе совѣты не въ состояніи ничему помѣшать, и не въ силахъ что-нибудь предотвратить...

Г. Конюсъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, приглашенъ преподавателемъ филармоническаго училища, и въ личной судьбѣ этого педагога, вѣроятно, не произойдетъ существенныхъ переменъ. Но столь сильная «колеблемость» службы въ музыкально-образовательныхъ учрежденіяхъ, едва-ли можетъ клониться къ пользѣ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ распространить на профессоровъ музыки основныя положенія дисциплинарнаго устава, а не распоряжаться ими «по третьему пункту», крайне осторожно примѣняемому и въ административныхъ учрежденіяхъ, гдѣ огласка не всегда удобна и желательна, и гдѣ разногласіе по основнымъ вопросамъ управленія можетъ причинить ущербъ государственнымъ интересамъ. Музыка до сихъ поръ почиталась областью довольно нейтральною, и надѣмся, таковою она останется и впредь. Что же побуждаетъ музыкальныхъ дѣятелей придерживаться такого строгаго режима?

Опытъ натуралистическаго изслѣдованія современной оперетки.

(Продолженіе *).

Блестящій періодъ орѣга comique скоро миновалъ. Еще раньше отжила свой вѣкъ орѣга buffa. Послѣднюю погубили фіоритурѣ и доканала драматическая музыка. По мѣрѣ того, какъ bel canto перестало быть средствомъ, а стало само себѣ цѣлью, строгія очертанія старинной „dramma per musica“ все болѣе уступали мѣсто затѣйливымъ завитушкамъ вокальнаго акробатизма, искренняя веселость заглушалась формализмомъ бездушнаго-сухихъ и вычурныхъ украшеній и мертвящія „мелизмы“, словно дикій плоть, густою сѣткою обвилились вокругъ италіанской комической оперы, закрывая отъ нея свѣтъ солнца и поглощая ея жизненные соки: У Россини еще кипѣла веселость и бойкій задоръ; у Доницетти они уже приуныли, а послѣдніе остатки уничтожилъ Верди судорогой своей мелодраматической музыки. Въ это время запросъ на драматическую музыку сталъ уже лозунгомъ вѣка. Притомъ, Италіи, охваченной трепетнымъ волненіемъ борьбы за объединеніе, было тогда не до смѣха. Естественнымъ выраженіемъ того пламеннаго экстаза,

*) См. №№ 39 и 40.

который переполнял тогда сердца италянскихъ патриотовъ, могъ быть только *naïos* съ его крикливою приподнятостью тона, съ его лихорадочными порывами и болѣзненно воспаленнымъ воображеніемъ... И вотъ, гротески старинной *commedia dell'arte* поставлены были на патриотическія ходули и, потрясая мечемъ, стали оглашать театральнй заль напыщенною музыкальною декламаціею. А тутъ еще появился Вагнеръ со своею оперною реформою, отголоски которой, хотя и смутно, доносились по ту сторону Альпъ и расшатали въ конецъ основы старой оперы.

Иначе дѣло обстояло съ *opéra comique*. Если *opéra buffa* зачала потому, что все болѣе стѣснялся просторъ безшабашнаго веселья и скоморошества, то французская комическая опера, наоборотъ, погибла отъ того, что „*esprit*“ получилъ необыкновенный перевѣсъ надъ всѣми остальными элементами, и въ концѣ концовъ, совсѣмъ вытѣснилъ музыку. Первоначально это былъ элементъ, введенный для оживленія, но постепенно онъ получилъ господствующее значеніе, сталъ задавать тонъ всему остальному, и въ этомъ одностороннемъ направленіи неизбѣжно долженъ былъ выродиться въ жанръ пародіи. Въ началѣ хватало еще собственныхъ силъ, но съ теченіемъ времени, пришлось все прибавлять дрожжей, пока, наконецъ, не получилось больше дрожжей, чѣмъ тѣста. Отсюда и произошелъ оперетка. Она — законное чадо выродившейся комической оперы.

Разсмотримъ ближе этотъ процессъ вырожденія. Подобно музыкальной драмѣ Глюка, *opéra comique* явилась протестомъ противъ необузданныхъ излишествъ вокально-виртуознаго элемента. Съ другой стороны, она возникла какъ реакція противъ вычурной искусственности ложно-классической трагедіи. Не гоняясь за полнымъ, захватывающаго интереса, драматическимъ дѣйствіемъ, она вначалѣ стремилась сохранить равновѣсіе между элементами литературнымъ и музыкальнымъ. Между композиторомъ и либреттистомъ установилось какъ бы молчаливое соглашеніе, въ силу котораго музыканту предоставляется широкій просторъ для музыкально-лирическихъ изліяній, поскольку это допускалось интересами ясности и единства дѣйствія. Но вскорѣ въ самомъ композиторѣ драматическій темпераментъ француза взялъ верхъ надъ музыкальнымъ, и положеніе получилось столько же любопытное, сколько и странное. Композиторъ не только не злоупотреблялъ предоставленною ему свободою, какъ этого позволительно было бы опасаться, но, въ погонѣ за

Памятникъ В. В. Самойлову
(освященный 10 октября).

esprit, сталъ соперничать съ самимъ либреттистомъ. Что оставалось дѣлать либреттисту? Отстать, очевидно, онъ не могъ. Началось соревнованіе. Въ этомъ стремленіи перецеголять композитора по части *esprit*, либреттисту некогда было заботиться о гонкой обработкѣ или художественной законченности характеровъ. Въ разгорѣвшемся состязаніи невозможно было думать о психологическомъ анализѣ. Надо было, такъ или иначе, ошеломить слушателя. Лучшимъ для этого средствомъ явилась занимательная интрига, художественные же интересы отошли на задній планъ.

Для подтвержденія, возьмемъ произведеніе Монсиньи, перваго крупнаго композитора національной французской оперы, а именно его „*Deserteur*“. Преобладающій характеръ музыки здѣсь — свѣтлая жизнерадостность, озаренная лучезарнымъ сіяніемъ ласкающаго солнца, въ соединеніи со старо-французскимъ романсомъ, столь родственнымъ провансальской поэзіи трубадуровъ, и полнымъ болѣе чувственной прелести, чѣмъ сладкаго томленія чувствъ. *Esprit* имѣется и здѣсь, но это не болѣе, какъ легкая приправа.

Какъ слабый вѣтерокъ надъ зеркальнымъ лономъ воды, струится надъ партитурою очаровательно - граціозныя шутки. Таковъ наивный Монсиньи. За нимъ слѣдуетъ болѣе вдумчивый Грётри, который стремится въ своихъ произведеніяхъ примѣнить теоріи, обоснованныя и формулированныя въ его „*Mémoires*“. Его музыкальныя характе-

ристички, изобилующія прелестными оркестровыми и вокальными деталями, изобличаютъ тонкаго мастера дѣла. Его „*Richard coeur-de-lion*“ — настоящая красивая историческая костюмная пьеса, въ старо-французскомъ стилѣ.

Къ Грётри примыкаетъ непосредственно Боальдье — этотъ Моцартъ комической оперы. За его неистощимою изобрѣтательностью въ лирической области, часто не замѣчаютъ замѣчательной естественности его музыкально-разговорнаго тона. Произведенія Боальдье — и не только позднѣйшія, какъ „*Jean de Paris*“, „*Nouveau Feigneur du village*“ и „*Dame blanche*“, но даже болѣе раннія, какъ, на примѣръ, „*Calif de Bagdad*“, — представляютъ убѣдительное доказательство того, что свѣжій, драматическій, или, точнѣе, комическо-сценический духъ, который такъ оживляетъ всю *opéra comique*, слѣдуетъ отнести на счетъ не только ловкаго либреттиста, но въ меньшей степени и на счетъ композитора, который такъ легко и увѣренно слѣдитъ за всѣми перипетіями

фабулы, а подчасъ и умѣло ее подкрѣпляетъ. Композиторъ не довольствуется тѣмъ, что пишетъ едва намѣченные пѣсенки, обращаясь, по требованіямъ положенія, къ болѣе сложнымъ и законченнымъ формамъ. Мало того, онъ еще старательно подчеркиваетъ драматическіе моменты и заботится объ оживленіи неизбѣжныхъ паузъ разными эпизодами. Онъ отлично умѣетъ сценически подготовить и выпукло выдѣлить остроумную музыкальную шутку. Помощью оживленныхъ и пикантныхъ ритмовъ онъ придаетъ музыкально-комическому языку небывалую плавность. Онъ заботливо отдѣлываетъ стилистическія тонкости. Нерѣдко онъ выводитъ музыкальные узоры свои нѣсколько дольше, чѣмъ того требуетъ драматическое дѣйствіе—но не потому, что, какъ „абсолютный“ музыкантъ, хочетъ подольше ушиться мелодіями, но потому, что онъ стремится подразнить слушателя, возбудить его нетерпѣніе, чтобы потомъ тѣмъ полнѣе удовлетворить напряженное любопытство. Ничто-же сумняшеся, онъ ни съ того, ни съ сего, вдругъ обрываетъ такъ хорошо начатый періодъ, какъ бы для того, чтобы подзадорить слушателя, и вслѣдъ затѣмъ потѣшить его новою мыслью въ иномъ движеніи. И все это продѣлывается съ художественною свободою и смѣлостью. Впечатлѣніе все время получается цѣльное. Либреттистъ еще остается въ тѣни. Его „esprit“ одухотворяетъ его сценическую изобрѣтательность, связываетъ воедино мѣняющіяся художественныя формы, ускоряетъ темпъ музыкальной комедіи. Но онъ скромнѣе. Онъ не рвется впередъ.

Съ Оберомъ начинается превращеніе: esprit эмансипируется и стремится занять господствующее положеніе. Оберъ былъ превосходный музыкантъ, но односторонній. Его музыкальная изобрѣтательность была почти неистощима и его выдумки поражали то граціозностью, то капризностью, то сентиментальностью—но все это были „выдумки“. Необычное богатство и разнообразіе его выдумокъ побуждали и теперь еще побуждаютъ многихъ цѣнить выше мѣры его талантъ и утверждать, что лишь съ Оберомъ орэга comіque достигла апогея. Но это невѣрно. Высшій предѣлъ этого жанра достигнутъ Боальдѣ въ его „*Dame blanche*“. Оберъ владѣлъ недюжинною опытностью въ дѣлѣ музыкальныхъ формъ, но ему не удавалось, подобно своимъ предшественникамъ, путемъ широко разработанныхъ формъ создать нѣчто цѣльное, еще того менѣе, расширить и развить существующія формы. Современному поколѣнію онъ кажется болѣе интереснымъ, отчасти потому, что его краски и мотивы до сихъ поръ сохранили блескъ и свѣжесть, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ уже во многомъ воплотилъ въ себѣ современный духъ. Онъ не только воспользовался опытомъ своихъ предшественниковъ, но и многимъ обязанъ Россини, этому блестящему представителю италіанской комической оперы. Его творческая индивидуальность довольно своеобразна, но въ то же время и типична. Въ немъ замѣчательно ярко воплотился типъ парижанина начала нынѣшняго вѣка со всею ѣдкостью и такъ сказать, кислотой отживающей культуры. Боальдѣ, отчасти также, Гарольдъ и Адамъ являются *національно-французскими* композиторами, Оберъ же, прежде всего, *парижскій* композиторъ. Если ему и удастся вѣрно схватывать мѣстный колоритъ, то, во-первыхъ, лишь при изображеніи типовъ, хотя и отжившихъ, но все-же симпатичныхъ сердцу парижанина, а, во-вторыхъ, освѣщаетъ онъ ихъ и живописуетъ съ точки зрѣнія парижскаго бульвара. Подобно тому, какъ остроумная философская „*maxime*“ семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія въ девятнадцатомъ вѣкѣ превращается въ блестящее, игривое „*mot*“ бульварнаго

causeur'a, такъ и тонкая музыкальная иллюстрація старинной орэга comіque у Обера перерождается въ пикантный музыкальный фельетонъ. Въ его музыкально-сценическихъ произведеніяхъ общечеловѣческое является лишь постольку, поскольку оно совмѣстимо со специфическо-парижскимъ. Большинство фигуръ, созданныхъ имъ въ сотрудничествѣ съ неподражаемымъ Скрибомъ, скроено по одному и тому же образцу, изящному, но условному, и запечатлѣно тѣмъ же парижскимъ лоскомъ, тѣмъ же сердечнымъ холодомъ рафинированнаго парижанина, тѣмъ же салоннымъ, а подчасъ и саркастическимъ остроуміемъ и жить уставшей, и чувствовать разучившейся „столицы міра“. Образы запечатлѣны рутинною, они не въ силахъ захватить слушателя, а если ихъ слишкомъ много, то композитору остается только прибѣгнуть къ острымъ приправамъ пикантныхъ гармоній и ритмическихъ приностей. Правда, герои и героини старой орэга comіque также не слишкомъ много говорятъ голосомъ сердца, то все же имъ нельзя отказать въ извѣстной индивидуализаціи характеристикъ, оригинально задуманныхъ и вѣрно очерченныхъ въ музыкально-сценическомъ отношеніи. Естественно развивающееся дѣйствіе, иллюстрируемое тонкою живописью композитора, невольно увлекаетъ и захватываетъ слушателя. Не то въ операхъ Обера, написанныхъ въ сотрудничествѣ со Скрибомъ. Зритель не интересуется тѣмъ, какая участь постигнетъ героя или героиню, а старается угадать, какъ либреттистъ развяжетъ запутанный узелъ интриги, къ какимъ музыкальнымъ тпс'амъ прибѣгнетъ композиторъ, чтобы поспѣть за неожиданными оборотами сюжета. Оберъ словно только и ждетъ этого момента, чтобы выступить предъ публикой и съ утонченно-свѣтскимъ и граціознымъ доклономъ, объяснить, что все это ему ни по чѣмъ, и что благодаря своему мастерству, онъ способенъ легко преодолевать величайшія трудности.

Но дѣйствительно-ли онъ ихъ преодолеваетъ?

Лишь видимо. Непрестанныя блески интересныхъ комбинацій въ оркестрѣ и остроумные вокальные парадоксы на сценѣ проносятся вихремъ, не давая слушателю опомниться. Но это быстро-стремительное мельканіе не является признакомъ кипучей, внутренней жизни. Въ произведеніяхъ Обера, особенно послѣдняго періода его творчества, музыка хотя и играетъ, съ внѣшней стороны, блестящую роль, но на дѣлѣ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. *Esprit* превратилъ либретто въ законченную comédie, сокрушивъ нѣкогда столь старательно выработанныя формы орэга comіque. Когда драматическое дѣйствіе усложнялось, и для изображенія игры разнообразныхъ чувствъ, требовалось болѣе или менѣе развитая полифонія, у Обера не хватало силъ. Такъ тихо и безболѣзненно скончалась орэга comіque.

П. Марсопъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новыя артистки театра Корша.

О. Н. Миткевичъ.

О. А. Голубева.

Художникъ-индивидуалистъ.

Произведения искусства—это единственные результаты исключительнаго темперамента.

Оскаръ Уайльдъ.

Если опредѣлять талантъ и значеніе художника популярностью, какой пользовался онъ при жизни, то едва ли имя покойнаго П. П. Соколова пришлось бы причислить къ очень крупнымъ именамъ. Правда, его охотничьи сцены, его иллюстраціи къ „Запискамъ Охотника“, „Мертвымъ душамъ“ и нѣкоторымъ произведениямъ Некрасова извѣстны по всей Россіи, благодаря репродукціямъ; правда, работы его всегда привлекали общее вниманіе на акварельныхъ выставкахъ и, говорятъ, всѣ раскупались, и тѣмъ не менѣе для такъ называемой большой публики онъ былъ только „акварелистъ“, мало появлявшійся на нашихъ коронныхъ излюбленныхъ выставкахъ, не написавшій ни одной „громадной“ или сенсационной картины; даже для художественной администраціи онъ былъ повидимому до послѣдняго времени „просто художникъ П. П. Соколовъ“, какъ самъ однажды назвалъ себя, и удостоился званія академика всего въ прошломъ году, чуть ли не послѣ гг. Брюллова и Беггрова: ему какъ бы и здѣсь не придавали особеннаго значенія. Почувствительна и интересна судьба художниковъ, подобныхъ П. П. Соколову: признанные, ибо сила таланта слишкомъ говоритъ сама за себя и заставляетъ признать ихъ, они всю жизнь остаются какъ бы въ полутѣни и не пользуются той долей восторговъ и овацій, оказываемыхъ такъ называемымъ блестящимъ талантамъ, отъ дѣятельности которыхъ нерѣдко, какъ отъ фейерверка, остается только дымъ и чадъ, ибо эта дѣятельность — апогеозъ излюбленныхъ толпой шаблона и общедоступности. Можно-ли напр. сравнить популярность П. П. Соколова съ популярностью гг. Семирадскаго, К. Маковскаго и даже... г. Каравина? А между тѣмъ своеобразная художественная личность П. Соколова такъ ярко и выпукло выдѣ-

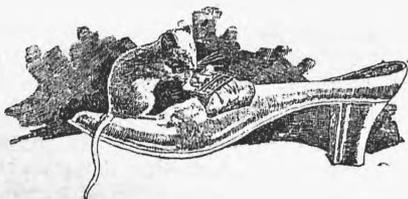
ляется на фонѣ ординарности, мишурнаго блеска и неискренности. Не много у насъ еще такихъ типичныхъ, самобытныхъ, а главное глубоко искреннихъ художниковъ. Это былъ удивительно цѣльный и кроткій художественный темпераментъ, не поддававшійся никакимъ влияніямъ. Это былъ удивительный образчикъ истиннаго художника, въ творествѣ котораго не играли никакой роли постороннія соображенія, ни въ смыслѣ увлеченія, можетъ быть, и глубоко почтенными, но пришитыми увы! бѣлыми нитками къ искусству, тенденціями, ни тѣмъ болѣе въ смыслѣ загрыванія съ публикой. Казалось, девизомъ всей его художественной дѣятельности было: „быть самимъ собой“. Каждой своей картиной онъ какъ бы говорилъ: „я пишу и рисую только то, что мнѣ хочется и только такъ, какъ мнѣ хочется“. И вотъ, причина удивительной неувидаемости таланта. Дѣятельность покойнаго художника охватываетъ большой для поступательнаго движенія искусства періодъ времени. За этотъ періодъ различныя направленія и теченія вытѣсняли другъ друга, таланты даже очень даровитыхъ нашихъ художниковъ успѣвали довольно значительно выдохаться и дряхлѣть, а между тѣмъ именно въ концѣ этой дѣятельности особенно ярко блеснулъ оригинальный талантъ почти 80-лѣтняго художника. Слишкомъ глубоко въ самой натурѣ его заложенъ былъ родникъ его художественнаго творчества, и оттого до конца билъ чистой кристальной водой. А натура была повидимому слишкомъ цѣльная, крупная, самобытная и энергичная, пусть даже и ограниченная въ своихъ вкусахъ и стремленіяхъ. Исключительно то, что увлекало художника въ жизни, онъ съ страстью переносилъ въ свои картины, отыскивая лучшую форму выраженія, а такъ какъ онъ имѣлъ крупный даръ воспроизведенія и изучалъ форму не въ чужихъ работахъ, а единственно въ природѣ, то и форма эта вылилась прекрасно и оригинально. Во всѣхъ его работахъ столько изученія, столько любви, столько оригинальнаго пониманія природы, столько оригинальной трактовки, такой яркій отпечатокъ своеобразной личности художника. Поновѣйшимъ философскимъ и эстетическимъ

ученіямъ индивидуальности, личности художника, сказывающейся въ его произведеніяхъ, придается первенствующее значеніе, и безъ сомнѣнія сущность художественнаго творчества не въ такъ называемой „глубинѣ содержанія“, а въ *искренности*, въ томъ, чтобы художникъ работалъ, подчиняясь только своему темпераменту, отыскивая себя самого.

Съ этой точки зрѣнія, 80-лѣтній П. Соколовъ можетъ быть названъ самымъ современнымъ художникомъ, но едва ли публика наша скоро научится смотрѣть на произведеніе искусства именно съ этой точки зрѣнія, научится судить художниковъ за то, что они даютъ, а не за то, что должны были-бы давать по ея мнѣнію, едва ли скоро перестанетъ требовать, чтобы художники перепрыгивали черезъ самихъ себя. Но и публика, конечно, понимаетъ, чувствуетъ и цѣнитъ силу таланта П. Соколова въ смыслъ дара воспроизведенія. Какъ всегда у такихъ самобытныхъ художниковъ, одаренныхъ удивительной наблюдательностью и художественной памятью, техника его, поражающая не рѣдко замѣчательнымъ матеріаломъ рисунка, не смотря на кажущуюся его небрежность, такъ сильна и своеобразна, что ей невозможно подражать. Глубоко приходится сожалѣть, что П. П. Соколовъ такъ мало работалъ въ области портрета, ибо великолѣпныя работы его послѣднихъ лѣтъ — портреты С. Атавы и его собственныя, находящіеся въ настоящее время въ музеѣ Александра III, свидѣтельствуютъ о совершенно исключительномъ, первоклассномъ его дарѣ портретиста. Не сказалося-ли и здѣсь нежеланіе художника, ищущаго свободнаго творчества, идти по торной дорожкѣ портретныхъ заказовъ? Оба эти портрета можно смѣло причислить къ шедеврамъ русской портретной живописи не только по тонкости выраженія и удивительной жизненности, но и по исполненію: сильные, сочные, рельефные, выполненные съ удивительнымъ вкусомъ и до того интересные и своеобразные по техникѣ, что ими безъ конца можно наслаждаться. Вотъ истинная живопись, истинное творчество, гдѣ художникъ такъ ярко и такъ свободно передаетъ впечатлѣнія, гдѣ каждый мазокъ, каждый штрихъ дышетъ вдохновеніемъ...

Говорятъ, покойный П. П. Соколовъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія, какъ о художникѣ, и откровенно это высказывалъ. Черта, смѣшная и не симпатичная въ другихъ, въ немъ трогательна и понятна. Одаренный крупнѣйшимъ талантомъ въ смыслѣ воспроизведенія, такъ называемой техники, онъ сознательно или безсознательно такъ глубоко любилъ и уважалъ искусство, что не могъ допустить ни малѣйшей фальши въ отношеніяхъ къ нему, не могъ не чувствовать этой фальши въ другихъ, не могъ не сознавать всей силы и чистоты своего безпримѣтнаго творчества и разницы между собой и другими. Что-бы ни говорилось о значеніи П. П. Соколова, какъ бы оно ни умалялось, его всегда можно поставить образцомъ для художниковъ. Всей своей дѣятельностью этотъ смѣлый художникъ-индивидуалистъ какъ-бы преподаетъ завѣтъ: любить, тонко понимать и искренно передавать.

А. Ростиславовъ.

Музыкальныя замѣтки.

Третій и послѣдній вечеръ квартета герцога Мекленбургскаго привлекъ многочисленную публику, чему нельзя не радоваться. Весьма интересная программа, составляющая, впрочемъ, предметъ постоянныхъ заботъ молодыхъ виртуозовъ, хорошее, старательное, порой увлекательное и художественное исполненіе—таковъ характеръ этого удачнаго вечера.

Квартетъ А-плотт Аренскаго, поставленный первымъ номеромъ, исполнялся впервые въ новомъ авторскомъ переложеніи. Въ звуковомъ отношеніи онъ много отъ этого выигралъ, но сохранилъ свои существенные техническіе недостатки, особенно рѣзко выражающіеся въ заключительномъ *allegro moderato*. Въ основѣ его лежитъ тема *величавая*—«Слава на небѣхъ высокому солнцу», которое поется величественно, величаво, *maestoso*. Въ квартетѣ же г. Аренскаго послѣдніе 12 тактовъ написаны въ темпѣ трепака. Техническая разработка насъ мало удовлетворила въ этой части. Приемы автора близко напоминаютъ нѣкоторые изъ приемовъ Чайковскаго, какъ на прим. въ проведеніи темы изъ верхнихъ голосовъ въ нижніе, въ нѣкоторыхъ рисункахъ гармонизаціи (tempo I—1 и 2 скрипка), но приемы эти употреблены Чайковскимъ въ симфонической музыкѣ, имѣя въ виду оркестръ, а не скромныя силы квартета, которому этотъ приемъ мало подходитъ, въ томъ видѣ, въ какомъ его беретъ г. Аренскій.

Наконецъ, неожиданный «гопакъ» совершенно не вяжется съ идеей автора посвятить свой квартетъ памяти Чайковскаго. Что за странная концепція была у автора! Въ первой части молитвенное настроеніе, которое мы понимаемъ въ смыслѣ скорби объ умершемъ. Во второй—тема Чайковскаго и вариации на нее. Авторъ какъ бы проникается творческимъ духомъ уснувшаго композитора, развивая его мысль въ стилѣ его твореній, разрабатывая ее на всѣ лады и наконецъ, замыкаетъ эту часть тѣмъ же грустнымъ напѣвомъ молитвы и отрывками той же безсмертной фразы Чайковскаго, которая какъ бы навѣки овладѣла г. Аренскимъ. И вдругъ послѣ поминковъ—плясовая! Вариация очень красивы и стильны. Авторъ «блещетъ» пониманіемъ Чайковскаго. Не могу лишь согласиться съ IV вариацией. Сама по себѣ, въ смыслѣ техники и элегантности,—она великолѣпна. Но вариация не эстетична. Плясовая на тему «былъ у Христа младенца садъ!» Исполненіе не оставляло желать лучшаго.

Въ тріо Чайковскаго (А-плотт) принялъ участіе г. Ф. Блуменфельдъ. Мнѣ показалось, что тріо было еще не совсемъ твердо усвоено артистами, еще не достаточно сыграными. Въ *rezzo elegiaco* г. Блуменфельдъ ускорилъ темпъ слишкомъ энригично и игралъ черезчуръ громко. En *ritardando* пианистъ великолѣпно провелъ вторую часть *thema con variationi* и блестяще сыгралъ свое соло. Печерховатости въ ритмѣ чувствовались въ послѣдней части. Въ общемъ, тріо было прослушано съ большимъ вниманіемъ. Интересенъ съ извѣстной точки зрѣнія октетъ Свенбину (А-дур). Написанъ онъ рукой мастера, полонъ красивыхъ комбинацій и съ технической точки зрѣнія представляетъ не мало любопытнаго, но въ немъ нѣтъ того вдохновенія, той ширины и красоты мысли, какъ у П. И. Чайковскаго.

Октетъ былъ сыгранъ очень хорошо, и что самое важное, видимо, заинтересовалъ своими комбинаціями самихъ исполнителей. Съ широкимъ полетомъ было проведено детальное *allegro assai con fuoco*.

Молодые квартетисты этимъ сеансомъ закончили свою краткую серію квартетовъ. Уважаемый критикъ «Бирж. Вѣд.» совѣтуетъ молодымъ виртуозамъ предпринять турнѣ по провинціи. Присоединяюсь къ этой мысли. Квартетъ г. Каменскаго внесъ бы много оживленія въ сонную музыкальную жизнь нашей провинціи, гдѣ все музыкальное «искусство» выражается въ жалкихъ звукахъ оперетки или плохо поставленной оперы.

О концертѣ г. Арно (10 октября) не приходится говорить много. Голосъ у концертанта сръ, но умѣнный мало. Дыханіе совершенно не выработано дикціи нѣтъ, музыкальность не развита, интонація часто сомнительная, регистры не выровнены, вслѣдствіе чего всѣ верхнія ноты берутся на «ура». Пѣніе г. Арно не ритмично (въ аріи Энцо аккомпаниатору пришлось прыгать черезъ $\frac{1}{2}$ такта, чтобы нагнать пѣвца), фразировка не обдуманная и цѣлое не оставляетъ впечатлѣнія. Все это, конечно, очень печально. Учиться пѣть такъ трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ заманчиво. Прежде г. Арно пѣлъ гораздо музыкальнѣе и гораздо проще. Въ центрѣ голоса пѣвца есть очень красивыя ноты—ге, ми бемоль, фа—что неопровержимо говоритъ за возможность достигъ еще положительныхъ результатовъ при хорошемъ руководствѣ.

На концертѣ, собравшемъ маленькую горсточку публики, исполнили нѣсколько новинокъ г. Блейхмана.

Два романса исполнилъ г. Никитинъ, поющій очень музыкально и обладающій приятнымъ баритономъ, которымъ владеетъ довольно свободно. Къ сожалѣнію, дикція у пѣвца

хромаетъ. Сидя въ четвертомъ ряду, я могъ изъ двухъ романсовъ разобрать отчетливо лишь два слова: «это ты!» Мало-мало! Аккомпанировалъ авторъ черезчуръ громко, иногда совершенно заглушая пѣвца.

Романсы г. Блейхмана изящны, сдѣланы со вкусомъ и безъ оригинальничанія. Романсъ «Любовь» мнѣ меньше понравился, онъ показался мнѣ нѣсколько монотоннымъ и болѣе форте-пианной, нежели вокальной вещицей. Романсъ «Это ты» красивъ и мелодиченъ.

Молодая пианистка г-жа Брюимонъ съ успѣхомъ сыграла Nostalgie—Сгамбатти, вещь мало интересную, и технически трудный вальсъ Пахульскаго. Играетъ г-жа Брюимонъ недурно, но зачѣмъ столько фокусовъ въ правой рукѣ? При каждомъ подъемѣ руки съ клавиатуры, пианистка описываетъ какія-то воздушныя запятыя. Это совершенно лишнее, такъ же какъ и сидѣть слишкомъ долго въ застывшей позѣ по окончаніи своего номера. Все хорошо въ мѣру, а «штучки», въ особенности. У г-жи Брюимонъ хороший тонъ, хорошо выработанная техника, чѣмъ пианистка блистала въ номерѣ на bis, и выработанный музыкальный вкусъ въ исполненіи.

Скрипачъ-виртуозъ Григоровичъ.
(Къ предстоящему концерту).

Богемскій квартетъ, какъ и слѣдовало ожидать, привлекъ многочисленную публику. Залъ былъ почти полонъ. Программа, въ общемъ, интересная. Развѣ только квартетецъ Сгамбатти можно бы было съ успѣхомъ замѣнить чѣмъ либо другимъ. Тягучее и напыщенное твореніе Сгамбатти, не смотря на всѣ старанія квартета, не смотря на усиленное раскачиваніе на своемъ стулѣ г. Гофмана (зачѣмъ онъ такъ качается и ловитъ ноги на смычокъ съ потолка?)—вызвало много восторговъ.

Зато какая буря аплодисментовъ послѣ Гайдна! Вотъ квартетная музыка! Хрустальная, тонкая, воздушная! Что за великолѣпие это rondo-presto финала! Да и сыграно это было мастерски съ тонкимъ пониманіемъ Гайдновскаго стиля. Само собой разумѣется, что финалъ былъ повторенъ.

Послѣ Гайдна публикѣ дали Бетховена. Широкая Бетховенская мысль разлита по квартету. И слушая его послѣ Гайдна, сознаешь лишній разъ, какая великая разница между духовнымъ міромъ погруженнаго въ философскія думы Бетховена и жизнерадостнымъ, счастливымъ Гайдномъ.

Бетховена исполнили, можно сказать, идеально. Изъ отдѣльных частей отмѣчу тонкое исполненіе presto и удивительное исполненіе Adagio molto espressivo.

Можно было покинуть залъ удовлетвореннымъ. Но въ душѣ моей поднялись нѣкоторыя сожалѣнія. Я пожалѣлъ, что не услышу еще разъ Бетховена, что не услышу совсѣмъ квартетовъ Чайковскаго въ исполненіи Богемскаго квартета, что наши бѣдные ученики консерваторіи и музыкальных школъ лишены возможности присутствовать на подобныхъ вечерахъ. Платить у нихъ нѣтъ средствъ, пускать ихъ бесплатно—убыточно для концертантовъ, ибо имя учащимся—легіонъ. Но артисты, посвящающіе нашу столицу, могли бы давать одинъ вечеръ исключительно для учащихся. Организовать это не трудно. Организовать это слѣдуетъ. Въ виду важности подобныхъ сеансовъ для пониманія классическихъ авторовъ мы вернемся къ этому вопросу. *Б. М. Соловьевъ.*

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ театрѣ Эрмитажа будутъ представлены въ пятнадцатомъ сезонѣ два маленькіе балета: «Четыре времени года» музыка г. Глазунова и «Арлекинада» музыка г. Дриго.

* * *

М. Г. Савина, какъ мы слышали, предпринимаетъ по-стомъ поѣздки въ Лондонъ, причемъ на обратномъ пути предполагается дать нѣсколько гастрольныхъ спектаклей въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ.

* * *

10-го октября на кладбищѣ Поводѣвичьяго монастыря освященъ памятникъ на могилѣ покойнаго артиста В. В. Самойлова. Послѣ панихиды на памятникъ возложены вѣнки: отъ Русскаго Театральнаго Общества членомъ Совѣта П. М. Медвѣдевичъ, отъ театра Литературно-артистическаго Кружка депутаціей, членомъ дирекціи Я. А. Плющикомъ-Плющевскимъ и отъ художника Зичи. Публики было мало, артистовъ еще меньше. Г. Далматовъ произнесъ надъ могилой великаго артиста небольшую рѣчь. Вотъ и все. Гдѣ же вѣнокъ отъ труппы Императорскаго театра? Или тамъ уже забыли о В. В. Самойловѣ? Почему не было вѣнка отъ дирекціи Императорскихъ театровъ, отъ драматурговъ, пьесы которыхъ игралъ покойный? На кладбищѣ мы не видѣли ни одного артиста Императорскихъ театровъ (за исключеніемъ П. М. Медвѣдева, который былъ въ качествѣ представителя Театральнаго Общества), ни одного драматурга. Все это удивительно странно!

О характерѣ В. В. Самойлова среди актеровъ ходятъ самыя противорѣчивыя слухи. Приходится нерѣдко слышать, что покойный не отличался «товарищескими чувствами» и т. п. По этому поводу считаемъ не лишнимъ указать на присланныя намъ престарѣлой, находящейся въ убожищѣ, артисткою М. А. Ч., воспоминанія. М. А. Ч. съ трогательными подробностями сообщаетъ о заботливомъ отношеніи В. В. Самойлова къ ея первымъ дебютамъ на сценѣ Одесскаго театра, гдѣ онъ въ то время гастролировалъ. Между прочимъ, авторъ воспоминаній, полныхъ восторженнаго удивленія къ артисту, рассказываетъ, какъ В. В. заставилъ прослѣзиться публику даже въ водевилѣ «Горцы на чердакѣ». Sic! Или по русски—доброе старое время. Слезы вызывались слѣдующимъ куплетомъ, представляющимъ несомнѣнный археологическій интересъ.

Бывъ матерью, ну, кто-бъ рѣшился
Своихъ дѣтей такъ обижать?
Ты знаешь, какъ твой мужъ трудился,
Чтобъ эти деньги имъ достать.
А ты въ минуту истребила.
Плодь тяжкихъ, мѣсячныхъ трудовъ!
Ты, мать, дѣтей своихъ забыла,
За то тебя забудетъ Богъ.

«Этотъ куплетъ, прибавляетъ М. А. Ч.,—публика заставила повторить три раза». Таковъ былъ водевилъ въ старину, и на такой стряпнѣ созрѣвали крупнѣйшіе таланты.

* * *

За послѣдніе четыре года европейская театральная критика много разъ повторяла, что англійская драма вступаетъ—или уже вступила—если не въ эпоху процвѣтанія, то, во всякомъ случаѣ, въ такой періодъ, который долженъ составить новую главу въ будущей исторіи англійскаго театра. Прежде всего появились совершенно небывалая ранѣе на англійской сценѣ пьесы, въ которыхъ героинею оказалась «женщина съ прошлымъ» — a woman with a past. Рыцаремъ такой героини выступилъ Артуръ Пайнеро, или какъ его у насъ называютъ, Пинеро.

Его пьеса «Вторая миссисъ Тэнкерей» была встрѣчена англійской публикой словно какое-то откровеніе; артистка, до тѣхъ поръ почти никому неизвѣстная, г-жа Патрикъ Кэмбл, сразу выдвинулась исполненіемъ заглавной роли въ этой пьесѣ, которая въ продолженіе цѣлаго сезона была излюбленною темою салонныхъ разговоровъ.

Пьеса Пайнеро, затѣмъ, была переведена на нѣмецкій языкъ и поставлена въ Берлинѣ, но далеко уже не съ тѣмъ успѣхомъ, какой она имѣла въ Лондонѣ, — конечно, потому, что для нѣмецкой публики она вовсе не представляетъ ничего новаго и «неслыханнаго». Совсѣмъ иное дѣло въ Лондонѣ: тамъ если «женщина съ прошлымъ» и появлялась иногда на сценѣ, то исключительно въ мелодрамахъ; ее называли коротко и ясно «злой женщиной» — wicked woman, и къ концу спектакля она или обращалась на путь добродѣтели, или, къ удовольствію зрителей, предавалась въ руки правосудія. Пайнеро впервые обратилъ злую женщину въ «женщину съ прошлымъ», далъ ей сердце, котораго не было у мелодраматич-

ческой куклы, и съ большою ловкостью и знаніемъ дѣла поставилъ ее въ центрѣ салонной драмы.

Одинъ изъ выдающихся англійскихъ критиковъ, послѣ перваго представленія пьесы Пайнеро, писалъ, что онъ выходилъ изъ театра съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія къ тѣмъ, кто тамъ не былъ, потому что ему пришлось быть свидѣтелемъ освобожденія англійской сцены отъ устарѣвшихъ традицій: «я предчувствовалъ, говоритъ онъ, гордость стараго ветерана, который когда-нибудь скажетъ грядущимъ поколѣніямъ: «Вторая миссисъ Тэнкерей»? Да, я былъ на первомъ представленіи этой удивительной пьесы!»...

Но изъ всѣхъ этихъ восторговъ ничего особеннаго не вышло. Пьеса выдержала болѣе сотни представленій, но все-таки осталась только отдѣльнымъ театральнымъ «событіемъ»; она раздвинула рамки англійской сцены, но не дала новаго типа. Въ этомъ Пайнеро убѣдился по успѣху своей новой пьесы, — «Извѣстная миссисъ Эббсмитъ», — какъ ни старался авторъ угодить вкусамъ публики самыми разнообразными эффектами, въ числѣ которыхъ было даже сожженіе Библии героинею пьесы, въ порывѣ нервного возбужденія. По слѣдамъ Пайнеро пошелъ Генри Джонсъ со своей драмой «Michael and his lost angel», но и онъ не могъ похвастаться большимъ успѣхомъ, несмотря даже на то, что пьеса его вызвала шумные протесты со стороны представителей квакерскаго благочестія.

Отчетъ объ этой знаменитой «Миссисъ Тэнкерей», шедшей на сценѣ Михайловскаго театра, до слѣдующаго номера.

* * *

Памъ пишутъ изъ Енатеринослава. Надняхъ у насъ случилось трагическое происшествіе, жертвой котораго оказался артистъ мѣстной драматической труппы, Небѣльскій.

«ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНІЕ».

Я. А. Дельеръ (Пл—ій П—икъ).
(Авторъ передѣлки).

Одинъ изъ его коллегъ по театру пѣкто Рамазановъ (настоящій фамиліи Нееловъ—братъ М. В. Дальскаго), находясь у него въ гостяхъ, неосторожно спустилъ курокъ револьвера. Послѣдовалъ выстрѣлъ, и раненый въ грудь Небѣльскій ушелъ безъ чувствъ на полъ. Тотчасъ находившіеся у Небѣльскаго въ гостяхъ артисты и артистки послали за врачомъ. Но послѣднему пришлось только констатировать смерть, происшедшую отъ разрыва сердца, вслѣдствіе сильнаго испуга и нервного потрясенія. Это печальное происшествіе произвело весьма тягостное впечатлѣніе, какъ на невольнаго убійцу своего пріятеля г. Рамазанова, такъ и на всѣхъ остальныхъ персонажей труппы. Спектакль, назначенный на день убійства, не состоялся и отложенъ. Во время отиѣванія тѣла покойнаго Небѣльскаго въ католическомъ костелѣ, ксендзь прочелъ очень прочувствованную рѣчь, гдѣ въ яркихъ чертахъ изобразилъ весь ужасъ этой внезапной гибели молодого человѣка, еще только начинавшаго жить (покойному было 21 г.). Подъ вліяніемъ этой рѣчи многие изъ присутствовавшихъ въ церкви плакали у гроба безвременно погибшаго молодого артиста.

Я. Г—овъ.

* * *

Новинки драматической литературы. Послѣдній списокъ разрѣшенныхъ пьесъ, напечатанный въ № 221 «Пр. Вѣстн», довольно многочисленъ. Названій—61. Изъ пьесъ, «общаю-

шихъ», судя по именамъ авторовъ, назовемъ: «Въ борьбѣ за жизнь», пятиактную драму г. Тимковскаго, «Въ зимній вечеръ» одноактный эпизодъ И. Яковлева-Павловскаго, «Неугомонная», ком. въ 4 д. П. М. Невѣжина «Родственныя души», ком. въ 4 д. И. И. Шапкинскаго, «Тайна свѣта» ком. въ 3 д. г-жи Лухмановой. Въ списокѣ имѣются два «Завѣщанія», и оба, по-видимому, пріятныя для драматической литературы. Одно ори-

Сцена у Свидригайлова.

(Рис. С. С. Соломко).

гинальное «Завѣщаніе» принадлежит П. П. Гнѣдичу, другое—иностранное, драма въ 3 дѣйствіяхъ, Арт. Шпитцлеру, автору «Забавы». Г-жа Шабельская, отличающаяся своею неутомимостью, написала «сатиру» въ 4 дѣйствіяхъ «Женскій вопросъ». Есть нѣсколько переводовъ: «Ненависть» (la Haine) Сарду, г. Ларина «Донна Діана» Морето, пер. В. Крылова. Укажемъ еще на пьесу давно ничего не писавшаго П. П. Штеллера,—пятиактную комедію «Метаморфозы», драматическій этюдъ «Нелли» изъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» Достоевскаго, извлеченный г. Бабецкимъ и т. д. А затѣмъ уже начинается, такъ сказать, «писать губернія». «Женихъ атлетъ»

«ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНИЕ».

Сцена у Порфирія Петровича.

Рис. С. С. Соломко.

или швейцарская борьба, закладъ 200 руб.» В. А. Сашина-Федорова. Рекомендуются для армарокъ.

* * *

На дняхъ, какъ сообщаетъ «Пет. Газ.», по распоряженію дирекціи были произведены снимки съ отдѣльныхъ сценъ оперы «Жизнь за Царя». Снимки эти предназначены къ отправленію къ германскому Императору Вильгельму II, пожелавшему ихъ имѣть. Сняты были сцены появленія Сусанина въ 1 актѣ, въ 3-мъ д. сцена Сусанина съ поляками «Страха не страшусь» и дальнѣйшая, гдѣ хоръ предлагаетъ ему «или злато или булатъ», и выходъ въ 4-мъ д. Снимки пригодятся для предполагаемой зимой постановки «Жизни за Царя» въ Берлинѣ.

* * *

«Нов. Дн.» сообщаютъ, что по желанію директора императорскихъ театровъ, кн. С. М. Волконскаго, артистъ московскаго Малаго театра г. Васильевъ будетъ командированъ въ Петербургъ для исполненія въ Александринскомъ театрѣ роли Хлестакова.

* * *

Первый выходъ П. А. Стрелетовой, принятой въ составъ труппы Импер. театровъ, состоится, какъ говорятъ, въ драмѣ «Свекровь». Для г-жи Васильевой, тоже будто бы принятой возобновляется «Власть тьмы» гр. Л. Толстого, гдѣ почтенная артистка довольно слабо, какъ извѣстно, изображала Анисью. Если это вѣрно, то съ такимъ «возобновленіемъ» трудно поздравить.

* * *

По слухамъ, хору Императорской русской оперы за участіе въ прошломъ великопостномъ сезонѣ будетъ данъ бенефисъ.

* * *

На считкахъ новой пьесы «Биронъ», были сдѣланы авторомъ нѣкоторыя сокращенія и исправленія. Между прочимъ, слово «дворецъ» вездѣ замѣнено словами «вишній домъ» или «лѣтній домъ», такъ какъ самый терминъ «дворецъ» продуктъ

позднѣйшаго времени; во времена же Анны Иоанновны дворцы назывались «домами». Во всемъ остальномъ пьеса, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, отличается исторической вѣрностью. Костюмы роскошные—по 250 руб. костюмъ.

* * *

Въ Воскресенье, 10 октября, начались спектакли труппы Спб. Городскаго Попечительства въ Михайловскомъ манежѣ. Для открытія шла «Рабочая слободка» съ тѣмъ же составомъ исполнителей, съ какимъ она шла и въ Таврическомъ саду. Манежъ въ настоящемъ сезонѣ раздѣленъ полотняной перегородкой на двѣ части. По одну сторону—сцена и мѣста для зрителей, по другую—кіоски, буфетъ и проч.

* * *

На Путиловскомъ заводѣ, въ клубѣ, за послѣдній мѣсяцъ дѣло велось довольно небрежно. Двѣ субботы даже пропустили. Спектакли состоялись 2 и 9 октября. Были поставлены сцены Островскаго «Не все коту масляница» и драма неизвѣстнаго, начинающаго автора: «Удары судьбы».

Первая пьеса лишена движенія и чтобы не быть скучной, требуетъ тонкой ажурной игры, которой, разумѣется, не было. Играли «прилично» г-жи: Вишневецкая, Кондратьева (Круглова) и г. Карскій (Аховъ). Что касается г. Ляхина (Ипполитъ), то это совсѣмъ еще «зеленый» любитель, совсѣмъ новичекъ на сценѣ, хотя и очень старательный. Зато вторая пьеса... нигдѣ не игранная, не напечатанная, не одобренная просто, писанная—она увидѣла свѣтъ рампы, вѣроятно, потому, что «своя рука—владыка».

Въ ней ни складу, ни ладу; языкъ суконный.

Составъ труппы пополнился новыми исполнителями г-жей Кондратьевой гг. Гоайворскимъ и Дагмаровымъ. Первая—недурна, хотя едва-ли на драматическія роли; послѣдніе—слабы.

Впрочемъ, клубъ переходитъ въ новыя руки. Въ субботу, 16 октября, послѣдній спектакль г. Карскаго («Столичный гость»). Онъ уѣзжаетъ въ Москву, и спектакли будетъ ставить Н. А. Филиповъ, опытный режиссеръ и старый актеръ.

А. С.

* * *

Въ Убѣжищѣ для артистовъ скончался недавно престарѣлый актеръ Павелъ Яковлевичъ Страховъ (служилъ въ разныхъ городахъ провинціи). Покойный, пробывъ недолго въ убѣжищѣ, схватилъ воспаление легкихъ, отъ котораго и умеръ. Похороненъ на Преображенскомъ кладбищѣ.

* * *

Въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка идутъ усиленныя репетиціи эффектной пьесы В. В. Самойлова «Гордыня». Пьеса изъ эпохи петровскихъ реформъ, и не малую роль въ пострамленіи «гордыни» играетъ обстриженная борода. Наибольшій интересъ пьесы—въ интересно разработанной бытовой старинѣ. Очень живописна сцена боярскаго пира, съ охотой на медвѣдя *roug la bonne bouche*. Главныя роли распределены между г-жами Холмской, Фадѣевой и гг. Далматовымъ и Орленевымъ. Первое представленіе «Гордыни» назначено на 25 октября. Вслѣдъ за «Гордыней» предполагается историческая пьеса «Вокругъ нылающей Москвы», представляющая передѣлку загоскинскаго «Рославлева». Имѣется въ виду новая пьеса кн. Д. П. Голицына, тоже историческая, «Максимъ Сумбуловъ», изъ время стрѣльщическихъ смуть.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Гастроли Режанъ привлекли мало публики. Это тѣмъ знаменательнѣе, что два года назадъ французская артистка дѣлала очень большіе сборы. Приѣмъ холодный. Повидному, „интернаціональная“ антреприза, заламывающая несообразныя цѣны, не внушаетъ публикѣ ни симпатіи, ни довѣрія.

Въ Маломъ театрѣ на-дняхъ идетъ „Донна Діана“ Морето, въ переводѣ г. Крылова. Донну-Діану играетъ г-жа Лешковская.

Для юбилейнаго бенефиса В. А. Максеева вмѣсто ранѣе предполагавшейся новой пьесы г. Шнажинскаго „возвращеніи“ по нынѣшней терминологіи автору, намѣчена комедія Островскаго „На великаго мудреца довольно простоты“, причѣмъ бенефициантъ играетъ генерала Крутицкаго. Для бенефиса К. П. Рыбакова, идетъ новая пьеса кн. Сумбагова „Закатъ“, въ которой участвуютъ: г-жи Одетова, Задовская, Лешковская, Яблочкина, самъ бенефициантъ, гг. Ленскій, Южикъ, Ильинскій и др. Остальные бенефисы этого сезона—Г. П. Одетовой, М. П. Ермоловой и А. И. Южина—пока еще не выяснились окончательно.

Въ театрѣ Корша пока опредѣлялись бенефисы слѣдующихъ артистовъ. Ближайшій, по времени, бенефициантъ г. Свѣтловъ, ставитъ „Гудушку“,—пьесу, не шедшую на московскихъ сценахъ уже много лѣтъ. Для бенефиса г. Визовскаго, идетъ фарсъ Краатца и Лауфеа „Ложа № 6“ („Масоны“). Эта пьеса пользуется успѣхомъ на сценѣ берлинскаго „Residenz Theater“. Для бенефиса г. Сашина, идетъ обѣщанная еще въ прошломъ году изъ постановки на коршевской сценѣ комедія Блаумента и Кадельбурга „Бѣлый конь“. И наконецъ, г. Константиновымъ, для бенефиса, намѣчена пьеса Дюма „Le demi-monde“.

„Идиотъ“, пьеса, передѣланная изъ романа Достоевскаго гг. Сутугинымъ и Крыловымъ, не имѣла значительнаго успѣха. Пьеса не такъ слаба, какъ стараются выставить нѣкоторые рецензенты. Правда, пятый актъ, причесанный, видимо, г. Крыловымъ, совершенно лишній, но то, что бережно извлечено передѣльщиками изъ романа, представляетъ благодарный матеріалъ для неполитическихъ. Первые три акта смотрятся съ захватывающимъ интересомъ. Достоевскій въ нихъ соблюденъ въ достаточной степени. Правда, пропущены нѣкоторые существенныя для характеристики „Идиота“ кн. Мышкина сцены, и главный планъ пьесы занимаютъ двѣ женщины—Настасья Филипповна и Аглая, но все же въ этихъ актахъ драматическій элементъ Достоевскаго сохраненъ. За то—дальше—настоящіе сапоги въ смятку! Въ пятомъ актѣ, вмѣсто чловѣческаго финала Достоевскаго, г. Крыловъ заставляетъ кн. Мышкина говорить какой-то монологъ, надерганый почтеннѣйшимъ авторомъ изъ разныхъ нѣмецкихъ пьесъ, которыя онъ всю свою жизнь ловко перекраивалъ. Г. Крыловъ любитъ „вставлять“ и „подправлять“ авторовъ. Это—черта его самонадѣянности. Такъ, въ прелестную „Ивету“ („Вава“) Мопассана, г. Крыловъ вставилъ какого-то эпизодическаго садовника, произносящаго добродѣтельно-пошлый монологъ, отъ котораго уши вьнутъ. Неполитическими были не въ ударѣ Г-жа Ермолова, какъ говорятъ, на репетиціяхъ вела роль Настасья Филипповна гораздо сильнѣе. Слабъ г. Ваенлевъ—Мышкинъ и г-жа Яблочкина—Аглая. Зрители отдыхали на Фердышонѣ—Садовкомъ и Нволгинѣ—Макшеевѣ. Мѣстами недуренъ былъ г. Падришъ—Рогожинъ. Но, вообще, во что превратился нѣкогда знаменитый ансамбль Московскаго Малаго театра?

Pe.

* * *

«ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНИЕ».

Декорація эпизода.

Рис. худ. И. А. Суворова.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ».

Прислуга Раскольникова.
(Рис. Соломко).

Въ составъ труппы Литературно-артистическаго кружка принята г-жа Муравская, дебютировавшая года два назадъ на сценѣ того же театра въ роли Луизы («Коварство и любовь»). Для дебюта г-жи Муравской возобновляютъ «Злую Яму».

* * *

Мы получили слѣдующую замѣтку.

Въ газетахъ неоднократно употреблялось въ послѣднее время выраженіе «песа возвращена автору по распоряженію директора Императорскихъ театровъ». Не лишне замѣтить, что право директора театровъ на «возвращеніе» пьесъ, одобренныхъ литературно-театральнымъ комитетомъ, и даже на постановку пьесъ, имъ не одобренныхъ, всегда существовало и случалось, практиковалось, такъ что новой эры эти «возвращенія» собой не открываютъ.

* * *

Съ пятницы, 15-го октября, при продажѣ билетовъ на оперы, возвратились къ старой системѣ, т. е. ночныхъ дежурствъ и выдачи билетовъ по порядку. Кстати, по слухамъ репертуаръ будетъ выходить на цѣлый мѣсяць впередъ.

* * *

Газетный слухъ. Возбужденъ вопросъ о допущеніи къ открытію школъ драматическаго искусства исключительно лицъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ.

* * *

Вновь образовавшійся московскій литературно-артистическій кружокъ задумалъ устроить всероссійскую театральную и музыкальную выставку. Постановлено просить дирекцію образовать особую комисію для разработки этого вопроса.

Идея любопытная.

* * *

Балетъ. Новое распоряженіе дирекціи о чередованіи артистовъ въ исполненіи главныхъ ролей практически шире всего примѣняется на балетной сценѣ: не проходитъ почти ни одного спектакля, чтобы не выступилъ какой-нибудь новый исполнитель. Нововведеніе это въ примѣненіи къ балетной сценѣ несомнѣнно имѣетъ много и про и contra, тѣмъ не менѣе, не могу не сказать, что нововведеніе уже потому симпатично, что идетъ противъ рутинъ, съ точки зрѣнія которой главные роли и отдѣльные рас представляли какъ бы неотъемлемую собственность артистовъ и уступались дублерамъ развѣ только въ случаѣ болѣзни, или за добровольнымъ отказомъ. Это было лестно и приятно для тѣхъ, кому судьба улыбалась и какал-нибудь мощная рука передавала главную роль или pas, можно сказать, въ пожизненное владѣніе, но здѣсь много жестокаго и несправедливаго въ отношеніи тѣхъ неудачниковъ, которые не имѣли мощной руки и не находили случая «выдвинуться», а должны были ждать какъ у моря погоды. Теперь этого случая дождался многіе. Этому же, вѣроятно, случаю обязанъ и г. Кшесинскій 2-й, впервые исполнившій 10-го октября въ балетѣ «Пахита» главную мимическую роль Инга. Впрочемъ, я вовсе не хочу сказать, что эта роль, которую цѣлые десятки дѣтъ такъ блестяще игралъ

г. Кшесинскій 1-й, только и могла «выдвинуть» г. Кшесинскаго 2-го. Г. Кшесинскій 2-ой уже давно заявилъ себя какъ талантливый артистъ и приходилось только удивляться, что ему не давали хода. Трудная роль Инга вполне доказала, что мимическій талантъ г. Кшесинскаго 2-го далеко не заурядный. Хотя въ некоторыхъ сценахъ, особенно въ 1-мъ актѣ, онъ и представляетъ мѣстами точный слѣпокъ съ фигуры, созданной г. Кшесинскимъ 1-мъ, зато въ сильно драматизированной заключительной сценѣ 2-го акта онъ создалъ самостоятельную художественную фигуру и оставилъ прекрасное впечатлѣніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ молодой даровитый артистъ можетъ явиться во многихъ роляхъ достойнымъ замѣстителемъ г. Кшесинскаго 1-го. Въ немъ есть и темпераментъ, и сила, и художественное чутье, а главное—у него прекрасная, выразительная мимика. По окончаніи 2-го акта, г. Кшесинскій 2-ой былъ вызванъ нѣсколько разъ.

Балетъ «Пахита» по обыкновенію былъ поставленъ съ г-жею М. Кшесинскою 2-ю. Тому вѣвшему успѣху, который выпадаетъ на долю г-жи Кшесинской 2-ой, поистинѣ можетъ позавидовать любая иностранная балерина. Г-жа М. Кшесинская 2-ая уже давно сдѣлалась у насъ любимницею публики, и каждый балетъ съ ея участіемъ вызываетъ все большее и большее поклоненіе нашихъ балетомановъ. Хотя танцы этой миловидной и прекрасной танцовщицы всегда отличались изяществомъ, шикомъ, огнемъ и первоклассной техникой, но за послѣдніе два года г-жа Кшесинская 2-я достигла совершенства въ развитіи своего таланта. Это лучшая prima-балерина на нашей сценѣ. Усвоивъ въ танцахъ ритмическую манеру г-жи Пукки, придавалъ имъ жизнь и оживленіе и наполнял ихъ мельчайшими узорами своей изумительной техники, она невольно увлекаетъ зрителя и вызываетъ единодушные восторги всего театра. Наибольшій успѣхъ выиграла долю талантливой балерины за прекрасно исполненныя ею пиччакато въ 1-мъ актѣ и эффектную вариацию въ grand pas въ послѣднемъ дѣйствіи. Въ этихъ танцахъ артистка проявила удивительную законченность пося и исполнила ихъ, не смотря на всю трудность техническихъ узоровъ, съ такою непринужденностью и шикомъ, что вызвала взрывъ единодушныхъ рукоплесканій. Послѣ 2-го акта г-жѣ М. Кшесинской 2-ой была подана изящная корзина цвѣтовъ.

Общему успѣху балета содѣйствовали г-жи Преображенская, Куличевская, Рыхлякова 1-я, Сѣдова, Трефилова, Чумакова, Рѣпина, Мосолова, Леонова 1-я и г. Легать 1-й, а изъ корифеевъ выдѣлились въ красномъ панскомъ pas de manteaux—г-жи Кшесинская 1-я, Бакеркина, Сланцова и др. Въ общемъ балетъ прошелъ оживленно, чему отчасти содѣйствовали и исполнители мимическихъ ролей, а въ особенности гг. Гердтъ, Анстовъ и др.

Кстати сказать, въ этотъ же вечеръ для начала спектакля былъ поставленъ одноактный балетъ «Волшебная флейта», въ которомъ, въ 1-й разъ, послѣ болѣзни, выступила въ роли Лизы, г-жа Преображенская, замѣстившая г-жу Югансонъ. Танцы г-жи Преображенской, какъ и всегда, отличались мягкостью, граціозностью, поэтическою образностью, и, конечно, талантливая танцовщица имѣла въ своей новой роли успѣхъ. Театръ былъ полонъ.

И. Ф.

* * *

Кшесинскій 2.

Совѣтъ Театрального Общества, просить насъ напечатать нижеслѣдующую замѣтку: «Совѣтъ Общества считаетъ приятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность антрепренерамъ: въ г. Могилевѣ—г. Рахманову, въ г. Калугѣ—Каразину распорядителю товарищества въ г. Саратовѣ,—г. Бородаю и Правленію Общества трезвой жизни за любезное выполнение циркулярной просьбы Совѣта о предоставленіи агентамъ Общества безплатнаго опредѣленнаго мѣста въ театрѣ.

* * *

14-го октября на Ваганьковскомъ кладбищѣ похоронена Надежда Михайловна Медвѣдева. Похороны не отличались особенною торжественностью; народу было немного. На могилѣ сказали краткія рѣчи присяжій повѣренный Шубинскій и бывший артистъ Малаго театра г. Дурново, взволнованнымъ голосомъ простившійся съ усопшей. Мо-

ваторіи, причѣмъ сборъ поступаетъ въ пользу недостаточныхъ учениковъ оркестроваго отдѣла. Въ программу между прочимъ входятъ: восьмая симфонія (F-dur) Бетховена. Сенъ-Санса «второй концертъ G-moll», ор. 22, Чайковскаго Славянскій маршъ, и т. д.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторы!

Въ 39-мъ № журнала «Театръ и Искусство» появилось письмо г-жи Астаховой, которая говоритъ, что необозначеніе срока выдачи аванса въ контрактѣ, заключенномъ ею съ г. Сокольскимъ, заставило ее отказаться отъ службы въ его труппѣ и что она въ то-же время потеряла нѣсколько выгодныхъ ангажементовъ.

«ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНІЕ».

Э п и л о г ъ.

Раскольниковъ. Соня.
(г. Орленевъ). (г-жа Яворская).
(Съ фотогр. г. Монюшко).

гилу обложили вѣнками отъ разныхъ лицъ, обществъ и корпорацій. Но вообще, отсутствіе торжественности при погребеніи составляетъ пзумительный контрастъ съ той помпой, какъ въ прошломъ году, когда въ Большомъ театрѣ праздновалось пятидесятилѣтіе славной дѣятельности артистки. Схоронили—позабыли.

* * *

На сценѣ Александринскаго театра ближайшія новинки вслѣдъ за «Бирономъ»—«Идіотъ», предполагавшійся 28 октября, но отложенный, «Повѣтріе» П. Д. Боборыкина, на тему о декадентахъ, обдѣлывающихъ свои дѣлишки и «Зацать» А. И. Южина. Послѣдняя, по обилію благодарныхъ ролей и по остроумію діалога, обѣщаетъ сдѣлаться «гвоздемъ» сезона.

* * *

Въ большомъ залѣ консерваторіи, въ четвергъ, 21-го октября состоится симфоническій концертъ учащихся консер-

Письмо это вызвало принципиальные вопросы по поводу того:—«имѣетъ-ли право агентство не вносить въ контракты сроки выдачи авансовъ? подобаесть-ли агентству писать контракты по-своему?» и различнаго рода комментаріи, въ родѣ того, что «форма вообще всѣхъ контрактовъ должна быть однообразная и разѣ принято выставятъ сроки для авансовъ,—исключенія не должны быть терпимы»

Въ виду того, что г-жа Астахова обвиняетъ меня, какъ служащаго въ агентствѣ г-жи Разсохиной, въ томъ, что авансъ былъ мною записанъ, о срокѣ-же его выдачи въ контрактѣ умалчивалось, я считаю своимъ долгомъ разъяснить это дѣло а также сказать нѣсколько словъ по поводу составленія контрактовъ. Законъ ясно и положительно указываетъ и разъясняетъ тѣ формальности, которыя должны быть соблюдаемы при составленіи договоровъ и контрактовъ. (Св. Зак. Т. X. Ч. I).

Въ ст. 1528 говорится: «Договоръ составляется по взаимному согласію договаривающихся лицъ; предметомъ его могутъ быть или имущество, или дѣйствія лицъ; цѣль его должна быть непротивна законамъ, благочинію и общественному порядку».

Далѣе, въ разъясненіяхъ Правительствующаго Сената (кн. IV. § 4) мы находимъ: «Взаимное добровольное согласіе сторонъ составляетъ необходимое условіе для дѣйствительности договора».

Разъ законъ признаетъ, что для необходимаго условія дѣйствительности договора необходимо взаимное добровольное согласіе сторонъ, то на какомъ основаніи агентство, при составленіи договора, будетъ измѣнять редакцію предъявленныхъ условій и составлять договоръ «по-своему», руководствуясь единственно какимъ-то «обычаемъ» и придерживаясь какой-то «однообразной формы»!

Невольно рождается вопросъ: возможна ли эта «однообразная форма»? А если она и возможна, то не будетъ ли это противно духу закона, такъ какъ подобный договоръ будетъ до нѣкоторой степени насиліемъ воли договаривающихся лицъ? Наконецъ, возможна ли эта форма еще и потому, что всѣ ли театры находятся въ одинаковыхъ условіяхъ и могутъ ли быть одинаковы всѣ требованія, предъявляемые какъ антрепренерами къ артистамъ, такъ и наоборотъ?

Ясно, что при составленіи договора, безъ согласія договаривающихся лицъ, агентство не имѣетъ права руководствоваться ни «обычаями», ни словомъ «принято», ни «однообразной формой», а должно строго придерживаться редакціи тѣхъ условій, которыя предъявляются договаривающимися лицами.

Такъ поступало агентство до настоящаго времени и на томъ же законномъ основаніи Судеть продолжать, въ этомъ отношеніи, свою дѣятельность и въ будущемъ.

Возвращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ: законно или незаконно поступило агентство, не обозначивъ въ договорѣ г-жи Астаховой и г. Сокольскаго срокъ выдачи аванса, я могу отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ ст. 1530-я Св. Зак. Т. X Ч. I только предоставляетъ право договаривающимся лицамъ включать въ договоры сроки платежей, неустойки и т. д.; но не обязываетъ ихъ къ этому. Въ виду же того, что г. Сокольскій, при составленіи договора, не имѣлъ возможности точно опредѣлить срокъ выдачи аванса, т. е. по обоюдному согласію г-жи Астаховой и г. Сокольскаго выдача аванса обуславливалась только мѣстомъ выдачи, вопросъ же о срокѣ остался открытымъ и въ договоръ было включено, что г-жа Астахова часть аванса получаетъ въ Москвѣ, а остальную—въ Козловѣ.—Понятно, что части эти были опредѣлены. Въ такой редакціи договоръ этотъ былъ составленъ и предъявленъ для подписи г-жѣ Астаховой и г. Сокольскому, что и было ими исполнено. Нельзя же допустить, что г-жа Астахова была такъ наивно-довѣрчива, что подписала договоръ, не познакомившись съ его содержаніемъ, тѣмъ болѣе со срокомъ выдачи аванса.

Въ дѣйствительности г-жа Астахова, явившись по приглашенію въ контору агентства для полученія аванса (замѣчу, кстати, совершенно своевременно), сама отказалась отъ службы въ труппѣ г. Сокольскаго, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что она, артистка, занимающая амплу героини, не можетъ согласиться служить на 125 р., такъ какъ этотъ же окладъ получаетъ и водовильная!

Послѣ всего мною высказаннаго, я предоставляю право судить—кто правъ, кто виноватъ.

Ив. Абраменко.

Отъ редакціи. Въ подробности даннаго случая мы нисколько не входимъ, такъ-же, какъ и изъ письма г-жи Астаховой мы извлекли только то, что представляло не личный, а общій интересъ. Съ этой точки зрѣнія, мы продолжаемъ утверждать, что долгъ всякаго добросовѣстнаго агентства не ограничиваться свободнымъ «соглашеніемъ сторонъ», не противорѣчающимъ закону, но придерживаться въ практикѣ своей тѣхъ договорныхъ формъ, которыя наиболѣе обезпечиваютъ интересы сторонъ. Какъ извѣстно, встрѣчаются печатныя бланки контрактовъ, въ которыхъ сказано, что въ случаѣ убытковъ, антрепренеръ имѣетъ право не доплачивать жалованья. Но добросовѣстной и дорожающей своей репутацией конторѣ, не смотря на совершенную законность такого контракта, едва ли пристало бы содѣйствовать заключенію подобныхъ договоровъ. Такъ и относительно настоящаго случая мы полагаемъ, что бычай обозначать сроки выдачи аванса весьма резоненъ и нарушать его агентствамъ не подобаетъ.

Страна Солнца и Золота.

Шумна многолюдная Ницца зимою,
Веселья и свѣта полна;
На шумныхъ бульварахъ нарядной толпою
За полночь пестрѣетъ она;
Гремятъ экипажи, снуютъ пѣшеходы,
Звонятъ мандолины пѣвцовъ,
Взмываютъ фонтаны жемчужныя воды
Средь зелени темной садовъ...

С. Надсонъ.

Между пятью и семью часами вечера по Promenade des Anglais въ Ниццѣ, между двумя рядами зеленыхъ пальмъ, безъ перерыва въ нѣсколько рядовъ, быстро несутся въ обоихъ направленіяхъ безконечныя вереницы всевозможныхъ экипажей; высокіе свѣтложелтые кэбы чередуются съ темными фіаками; увѣшанные пестрыми рекламами автомобили мелькаютъ за блестящими колесками, маленькими „paniers à salade“ обильно и со вкусомъ украшенными фіалками и другими „remises de fantaisie“, въ которыхъ красными и фіолетовыми платками выдѣляются широкія шляпы проѣзжающихъ дамъ; докше велосипедисты, также украсившіе свои тандемы и моторы цвѣтами, Богъ-вѣсть какъ, поспѣваютъ проскальзывать между лошадыми, искусно лавируя въ этомъ нескончаемомъ, живомъ потоцѣ. Изъ экипажа не видно тротуаровъ: они заслонены деревьями, но и тамъ навѣрно такой же почти сплошной стѣной тѣнятся пѣшеходы, размазывая туалеты проѣзжающихъ дамъ и раскланиваясь со знакомыми.

Къ семи часамъ уличный гулъ, грохотъ экипажей, хлопанье бичей, отрывистый ревъ автомобилей и громкія выкрикиванія продавцовъ газетъ мало-помалу смолкаютъ.

Салоны и столовыя роскошныхъ отелей и виллы освѣщаются электричествомъ. Космополитическое общество Ниццы, только что возвратившееся изъ загородныхъ поѣздокъ, садится обѣдать и дѣлается разнообразными впечатлѣніями истекшаго дня.

Одни были въ Folicon, и съ вершины ветхой церковной колокольни любовались чудной панорамой, открывающеюся оттуда на Ниццу и оя окрестности; другіе ѣздили въ деревушку La Hay и тамъ, пользуясь гостеприимствомъ монаховъ мѣстнаго аббатства, пили ликеръ, сидя въ тѣни развѣсистыхъ магнолій и лимонныхъ деревьевъ; третьи спускались въ Vallée Obscure и оттуда изъ глубины грота Saint André видѣли при дневномъ свѣтѣ луны; наконецъ, четвертые катались по Route de Corniche на Cap Ferrat и въ хорошенькомъ ресторанѣ знаменитыхъ братьевъ Провансо, расположенномъ на самомъ краю крутого утеса, угощались прославившимися на всю „Côte d'Azur“ тарталетками съ земляникой, запивая ихъ вѣжнымъ Igroy, очень распространеннымъ на Ривьерѣ, едва усгвѣвшимъ проникнуть въ Парижъ, а у насъ совсѣмъ неизвѣстнымъ.

Послѣ обѣда все общество собирается въ просторномъ salon de lecture—высокой, въ нѣсколько строгомъ стилѣ убранный комнатѣ, похожей на рабочій кабинетъ солиднаго банкира. На длинныхъ столахъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, въ порядкѣ разложены газеты и журналы и стройными рядами вытянулись словари и указатели. Мягкій, душистый коверъ заглушаетъ шумъ шаговъ, въ широкихъ и длинныхъ кожаныхъ креслахъ такъ покойно полулежатъ и вздремнутъ послѣ обѣда за чашкою кофе. Тутъ же стоить ваза съ мѣстными фруктами—кислыми pöles, вкусомъ напоминающими клюкву и душистыми перуанскими вишневыми.

На быстро темнѣющемъ небѣ одна за другою зажигаются звѣзды. Море темнѣетъ, теряя свои яркія краски и скоро становится совсѣмъ чернымъ. Быстро поднимается луна, и море начинаетъ сіять тысячами серебристыхъ огоньковъ. Огромное казино Jetée Promenade выдѣляется своимъ тяжелымъ куполомъ и высокими башнями на обцемъ, голубовато-серебристомъ фонѣ неба и моря, массивнымъ темнымъ силуэтомъ. Въ зелени пышныхъ оливъ являются свѣтящаяся бабочки—„lucioles“. Гдѣ-то близко, вѣроятно, въ саду сосѣдняго отеля послышались звуки пѣни.

Красивымъ баритономъ, подъ вѣжнѣйшимъ аккомпаниментъ арфы, пѣвецъ пѣлъ, легко прозвоня слова:

O bella Napoli,	Tu sei l'impero
O, sol beato,	Dell' armonia
Dovè sorridere	Santa Lucia,
Fa il creato!	Santa Lucia!

Сидящіе въ салонѣ берутъ трости, одѣваютъ шляпы и черезъ дверь, выходящую прямо на улицу, идутъ въ садовое „bosquet“, чтобы лучше слышать пѣніе.

Пѣвецъ кончилъ. Раздался звонъ брошенныхъ на панель монетъ. Снова воцарилось молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое отдаленнымъ топотомъ копытъ и звонками неугомонныхъ велосипедистовъ.

Въ это время вся ниццкая жизнь переносится съ Promenade des Anglais на бульвары Avenue de la Gare, Avenue Victor Hugo и Quai Masséna. Первый представляет ту же картину, что Promenade des Anglais между пятью и семью часами вечера. Столько же экипажей и столько же, если еще не больше, пѣшиходовъ, сидящихъ за столиками на терассахъ кафе, толпящихся у витринъ магазиновъ. Во всѣхъ большихъ ресторанахъ Avenue de la Gare, кондитерской Rumpelmayer'a на Avenue Victor Hugo, въ велосипедномъ манежѣ улицы Fabron играетъ музыка и раздается пѣніе. Въ плохо освѣщенномъ Jardin Publique въ тѣни пробковыхъ дубовъ, появляются подозрительные оборванцы, по большей части италянцы, и предлагаютъ купить у нихъ будто бы запрещенныя въ Ниццѣ cartes postales, на которыхъ изображены игорныя залы и роскошный паркъ Монте-Карлскаго казино; въ первыхъ крупно изображены въ видѣ чертей, а во второмъ мы видимъ неудачныхъ игроковъ, стрѣляющихся, вѣшающихся и бросающихся съ утеса въ море. На самомъ же дѣлѣ эти картинки запрещены только въ Монте-Карло и Монако. Голодные camelots навязываютъ эти cartes postales съ такимъ таинственнымъ видомъ, что нерѣдко пріѣзжіе иностранцы платятся за свою неопытность и покупаютъ за лундоръ, а иногда и за два картинку, которую могли бы найти на слѣдующее утро въ любой librairie за три су.

Бульваръ Quai Masséna служитъ, такъ сказать, переходной улицей съ набережной во внутреннюю часть города. Здѣсь не мало публики привлекаютъ ярко освѣщенные окна ресторана „London House“, гдѣ за столиками, сверкающими бѣлизною бѣлья и блескомъ хрустала, обѣдаютъ обыкновенно тѣ, которые увлеклись игрою въ Монте-Карло, опоздали къ обѣду въ своемъ отелѣ и принуждены ѣсть гдѣ-нибудь на сторонѣ. Но и тутъ обѣды уже приходятъ къ концу. Великолѣпнаго вида гарсоны подаютъ фрукты и ликеры.

Всѣ торопятся. Скоро девять часовъ и надо подумать, какъ провести вечеръ.

Можно отправиться въ оперу, циркъ, одно изъ Казино, Folie Bergère или, наконецъ, въ простонародный театръ „Risso“, небольшой балаганчикъ, расположенный на Place Garibaldi—одной изъ очень удаленныхъ отъ центра частей города. Здѣсь по большей части ставятся пьесы знаменитыхъ иностранныхъ авторовъ, переведенныя на италянскій языкъ. Во время моего пребыванія въ Ниццѣ значительнымъ успѣхомъ пользовалась на этихъ подмосткахъ „La Potencia delle Tenebre“ („Власть тьмы“) графа Л. Н. Толстого. Настроение публики мѣнялось послѣ каждого акта. Въ четвертомъ дѣйствіи перевѣсъ было остался за оппозиціей, но по окончаніи представленія одобрение было единодушное. Впрочемъ, кромѣ переводныхъ пьесъ на сценѣ этого театра изрѣдка ставятся произведенія и италянскихъ авторовъ. Такъ напр. была поставлена „La Locandiera“ („Трактирщица“) Гальдони.

Въ Циркѣ (Le Grand Hippodrome de Nice) пріютилась труппа французскихъ драматическихъ актеровъ, имитирующихъ жанръ парижскаго Théâtre Libre (Антуана). Имитации рѣдко бываютъ удачны, а такъ какъ въ настоящее время и самый театръ Антуана представляетъ очень мало занимательнаго, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что циркъ посѣщается очень неохотно и почти всегда пустуетъ. Репертуаръ состоитъ по большей части изъ пьесъ, передѣланныхъ изъ повѣстей и романовъ французскихъ авторовъ. Ставились „Mademoiselle Fifi“, „Mont Oriol“ (изъ разсказовъ того же названія Мопасана) и „Les Lotrec et les Sarlieu“ (передѣлка „Свѣтскихъ Ширмъ“—одного изъ послѣднихъ произведеній Поля Бурже). Ставившіяся же на сценѣ цирка „оригинальныя“ комедіи и драмы (какъ напр. „Lui!!!“, драма, принадлежащая перу режиссера этого театра) до того нелѣпы, что передать ихъ содержаніе почти невозможно.

Два вечера въ недѣлю „régisseur en chef“ драматической труппы уступаетъ залъ италянскій оперѣ. Ставятся оперы преимущественно италянскихъ композиторовъ („Паяцы“—Леонковалло, „Сельская Честъ“—Масканьи, „Севильскій Цирюльникъ“—Россини и др.).

Большинство проводитъ вечеръ въ одномъ изъ двухъ Казино. Въ Casino Municipale прекрасная оперетка съ примадонною г-жею Морэнъ (нѣкогда подвизавшаяся въ Одессѣ), въ Casino de la jetée Promenade (частная антреприза Луи Тессье) нѣчно въ родѣ большого кафе-шантана. Особеннымъ успѣхомъ пользуется здѣсь Альберъ Фреми—имитаторъ знаменитостей кафе-шантаннаго міра. Онъ одинаково хорошо копируетъ Полюса, Жакэ, Уврара, Иветту Гильберъ, Лизъ Флеронъ и Жанну Блоккь. Въ антрактахъ публика играетъ въ petits chevaux и „la bouli“. Чтобы дать нажитыя антрепренеру этихъ игръ антракты очень продолжительны, вслѣдствіе чего „Mussic-Hall Concert“ы“ затягиваются далеко за полночь.

Въ Folie-Bergère спектакли начинаются поздно и состоятъ

или изъ „обозрѣній“ („Nice! Tout le monde descend!“) или же изъ пѣнія шансонетокъ.

Первые ряды креселъ заняты завсегдатаями этого заведенія. Они извѣстны здѣсь подъ именемъ „les épatants“ и имъ даже посвящено содержаніе шансонетки (того же названія). Они всегда прекрасно одѣты, по послѣдней модѣ, они элегантны, они веселы, живутъ какъ принцы, швыряя золотомъ, знаютъ всѣ закулисныя тайны, учатся хорошему тону у актеровъ.

„Le sourire sur la bouche
L'esprit du papillon,
Nous somm's de la nouvell' couche
L'heureux échantillon
Grâce a notre mise exquisite
Et nos charmes troublants.
Dans le monde chic on nous baptise:
Les épatants“.

За десертомъ, „entre l'fromage et la poire“, они изобрѣтаютъ „des jeux d' mots“. Они заявляютъ:

„On nous r'proche comme une affaire
De n'avoir pas d' enfants;
Nous n'avons pas l'temps d'en faire,
Nous rigolons tout l'tems.
Si bien qu' quand nous s'rons sous terre,
Nous en somm's couvaincus:
Des typ's comm' nous, la chose est claire,
N'y en aura plus“.

Премилые господа!

„Les épatants sont d' bons enfants
Qui chahutent sur la butte
D'Montmartre à Ménilmontant
Ah, ah, ah, ah!
Qu' ils sont charmants,
Qu' ils sont tordants,
Etourdissants,
Et renversants,
Les épatants!
Épatant!!!“

Такъ ихъ величаетъ refrain послѣ каждого куплета шансонетки, иллюстрированной бравурной музыкой. Кромѣ пѣсенекъ, посвященныхъ „épatants“ и ихъ многочисленнымъ приключеніямъ особеннымъ успѣхомъ пользуются шансонетки: „Les Oranges“, „La petite Jeanneton“, „La créole jalouse“, „Le vrai boulevardier“.

Въ первой разсказывается дѣлая эпопея хорошенькой крестьянки. Въ саду ея отца созрѣли апельсины. Она несетъ ихъ „au marché de Lavale“. По дорогѣ ей попадается „le fils d' un avocat“. Онъ спрашиваетъ, что у нея въ корзинѣ.

„Sont des oranges, Monsieur
Ne vous en plait-il pas?“

Онъ ему правятся и онъ беретъ, „deux couples, mais ne les paye pas“. Тогда она спрашиваетъ его, отчего онъ не платитъ.

„Entrez dedans ma chambre
Maman vous l' payera!“

Въ слѣдующей шансонеткѣ маленькая Жанетта отправилась за тростникомъ (le jonc) и заснула;

„Par hasard passèrent par la
Trois chevaliers de renom.
Ah pourquoi s'endormit elle
La petite Jeanneton!
Le premier un peu timide
Regarda son aire mignon.
Ah, pourquoi s'endormit elle
La petite Jeanneton!“

Второй „moins sage“ поцѣловалъ ее.

„Ah pourquoi s'endormit elle
La petite Jeanneton!
„C'est ce que lui fit le troisième,
Ne pas mis dans le chançon
Mais si vous l' saviez Mesdames
Vous iriez couper du jonc!
Ah, pourquoi s'endormit elle,
La petite Jeanneton!“

И все въ этомъ родѣ, такъ что до конца спектакля могутъ досидѣть только одни „épatants“, отправляющіеся затѣмъ охотиться за хорошенькими дѣвушками въ темныхъ улицахъ „старога города“. По большей части это модистка, которая такъ рекомендуется въ refrain'ѣ одной шансонетки:

„Je suis une modiste,
Bonn' fille et pas triste,
Marchant, courant, trottinant,
Lorgnant derrière et devant,

Lorsqu' un tyр' m' apelle,
Je n' suis pas cruelle,
Et s'il m' offre un p'tit gueul'ton,
Je n' r ponds jamais „non“.

Этого рода удовольствіи совершенно отвлекают публику отъ оперы, почему послѣдняя и открыта въ Ниццѣ всего три, рѣдко четыре мѣсяца, при чемъ спектакли бываютъ только три раза въ недѣлю. Остальные четыре вечера тѣ же пѣвцы поютъ въ театрѣ Монте-Карло, — увѣ, часто при почти пустомъ залѣ. Здѣсь публику отвлекаетъ рулетка.

Такъ идетъ изъ года въ годъ. Нѣкоторое разнообразіе вносить, происходящій въ концѣ февраля карнавалъ, о которомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Ю. М—въ.

ЧЕРНЫЙ ТРАГИКЪ.

(Изъ записной книжки).

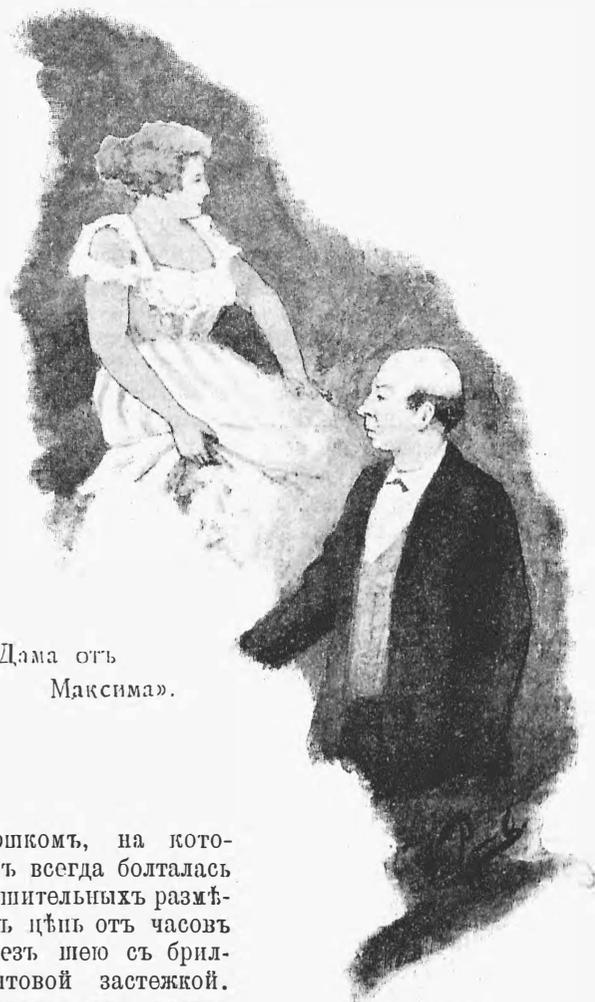
I.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Айра-Ольдридждъ, знаменитый трагикъ-негръ, первый въ Россіи игравшій на англійскомъ языкѣ съ русскими артистами, посѣтилъ между прочимъ рыбинскую ярмарку, которая въ то время, до проведенія желѣзной дороги, была довольно значительной: сюда съѣзжалось все именитое купечество, бывавшее на нижегородской Макарьевской ярмаркѣ. Хотя рыбинскій лѣтній театръ—зимняго не было,—стоявшій на берегу рѣчки Черемухи, представлялъ собою снаружи старый амбаръ, а внутри жалкое подобіе храма Мельпомены съ масляными лампами и прочими атрибутами первобытныхъ временныхъ ярмарочныхъ театровъ,—тѣмъ не менѣе на сценѣ этого театра перебивали всѣ театральныя знаменитости, начиная съ московскаго артиста Мочалова и кончая оригинальнымъ англійскимъ чернымъ трагикомъ Айра-Ольдриджемъ, имя котораго гремѣло далеко за предѣлами Англій.

Въ Россіи Ольдридждъ очень скоро сдѣлался популярнымъ и многіе впадали въ страхъ при одномъ взглядѣ на его портретъ въ роли Отелло, не говоря о дѣтяхъ, которыхъ долго еще, даже послѣ смерти артиста, пугали „арапомъ“. И дѣйствительно, видъ его внушалъ страхъ и почтеніе вообще, въ особенности, когда онъ хотѣлъ быть ласковымъ, оскаливая зубы. По-русски онъ не зналъ ни одного слова и ѣздилъ съ переводчикомъ. Отсюда выходило много qui pro quo, складывавшихся въ анекдотическіе рассказы, свидѣтельствовавшіе объ его необыкновенномъ успѣхѣ и какъ артиста, и какъ пугала. Можно себѣ представить, какой поднялся переполохъ въ мирномъ уѣздномъ городкѣ, когда сѣрая афиша оповѣстила обывателей о предстоящемъ пріѣздѣ къ „Васькѣ Смирнову“ арапа.

Василія Андреевича, антрепренера трехъ театровъ — рыбинскаго, ярославскаго и вологодскаго, унаслѣдованныхъ имъ въ приданое за дочерью купца Алексѣева, бывшаго антрепренера, звали въ театральномъ мірѣ не иначе какъ „Васька Смирновъ“ или „Васька потому что... да... да“, такъ какъ онъ почти послѣ каждой фразы прибавлялъ „потому что... да... да...“, хотя и внѣшность, и обстановка жизни Василія Андреевича Смирнова совсѣмъ не соответствовали этому фамилярному прозвищу. Лицо у него было очень благообразное, всегда чисто выбритое (усовъ онъ не носилъ), и даже его голый черепъ не мѣшалъ благообразію, а напротивъ, еще болѣе придавалъ солидности пухлому, круглому розовому лицу и всей его небольшой фигурѣ съ почтеннымъ

ТЕАТРЪ «ФАРСЪ».

«Дама отъ
Максима».

(Рис. А. Р—ва).

брюшкомъ, на которомъ всегда болталась внушительныхъ размѣровъ цѣпь отъ часовъ черезъ шею съ бриллиантовой застежкой. Одѣвался онъ всегда опрятно. Словомъ внѣшній видъ Смирнова былъ самый благонамѣренный, бюрократическій, и онъ ни съ какой стороны не походилъ на „Ваську“. Говорили, что онъ началъ свою карьеру, будучи крѣпостнымъ барабанщикомъ въ оркестрѣ своего тестя, и однако съумѣлъ плѣнить дочь солиднаго антрепренера, въ концѣ концовъ очутившись обладателемъ и дочери, и театровъ.

Театры держались у него, съ коммерческой стороны, очень благополучно, а съ художественной... это мы увидимъ дальше. Жалованья выше 25 руб. въ мѣсяцъ у него не полагалось. Это былъ первый окладъ и 8 рублей послѣдній. Кромѣ того, было нѣсколько престарѣлыхъ или спившихся актеровъ, которые получали по двугривенному, когда патронъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Для гастролеровъ были исключенія, т. е. доходило до 25 руб. отъ спектакля и при этомъ обязательно бенефисъ. Собственно всѣ первые артисты только бенефисами и жили, получая при этомъ отъ публики значительныя призы и деньгами и вещами.

Пріѣздъ Ольдриджда совпадалъ съ двадцатипятилѣтнемъ антрепренерской дѣятельности Василія Андреевича. Слѣдуетъ прибавить, что у Василія Андреевича былъ младшій братъ Константинъ Андреевичъ, который былъ надсмотрщикомъ и кассиромъ, вида угрюмаго, некраснорѣчивъ и къ каждой фразѣ прибавлялъ „значить“. Когда братья сходились, и старшій, волнуясь, распекалъ младшаго, а тотъ оправдывался, только и можно было разговорить „потому что... да... да“—пришептыванье скороговоркой Василія Андреевича и „значить, значить“—угрюмое отчеканиванье длинноусаго Константина Андреевича. Въ

день прїѣзда Ольдриджа Василій Андреевичъ всталъ раньше обыкновеннаго и въ понятномъ волненіи, не зная, что дѣлать, обдумывая, какъ принять знаменитаго гостя, метался по всѣмъ угламъ. Послалъ въ кассу узнать о продажѣ билетовъ, и вдругъ ему доносятъ, что братъ Константинъ еще спитъ. Это былъ достаточно уважительный предлогъ, чтобы разбѣжаться въ кассу и распечь брата за лѣность, неблагодарность и прочее...

— Грѣшно, потому что... да... да, братъ Константинъ, передъ Богомъ грѣшно... со слезой упрекалъ онъ брата.

— Извини, значить, братъ Василій, я, значить, вчера долго возился съ уборкой театра, значить. Въ четыре часа сдѣлалъ обходъ театра и опять, значить, человѣка четыре нашли въ ложахъ... снятъ.

— Да вѣдь... я... я... я... приказалъ Трифону гнать ихъ... не проускать—потому что... да... да—хорошая публика жаловаться стала... нельзя рукъ положить на барьеръ ложи... потому что... да... да, сей-часъ же разные насѣкомыя вьиваются...

— Знаю, братъ Василій, знаю... Сколькіе ко мнѣ въ кассу, значить, приходили жаловаться.

— Такъ прошу тебя, братъ Константинъ, гони ты нашу пьяную команду изъ уборныхъ и ложъ, потому что да... да—это не ночлежный домъ, теперь и на улицѣ не холодно...

— Слушаю, братъ Василій, значить...

— Сегодня прїѣзжаетъ Ольдридъ... такъ... да... да... сколько сбору?

— 270, значить, вчера закрылъ кассу.

— Ну... вотъ... я... я... говорилъ... да... да... потому что да... да... Я знаю, что на этого пойдутъ... и при словѣ на „этого“ онъ ткнулъ въ гравюру Айра-Ольдриджа, висѣвшую у окошечка кассы. Одного побаиваюсь...—послѣ минутнаго раздумья, проговорилъ Василій Андреевичъ,—потому что я... да... да...

— Чего же, значить, братъ Василій?

— Чтобы мои-то не подкастляли... потому что... да... да... перепьются животныя... кто со страху, кто съ радости... а пьеса-то стихами... по-англійски играетъ самъ-то... на непонятномъ для насъ языкѣ, хотя... я... я... знаю... видалъ англичанъ... понимаю... а за своихъ боюсь, какъ бы не вышло чего, Боже сохрани... зарѣжутъ...

— Запереть бы, братъ Василій, значить, ихъ въ большую уборную, и приставить Трифона присматривать, чтобы водку не проносили...

— Да... да... я... я... такъ и сдѣлаю... И, посмотрѣвъ на свои огромные золотые часы, онъ дослѣшно затараторилъ:—Ну, такъ я... я... пора... Такъ ты, братъ Константинъ, прикажи, а я... я... пора... пора... сдѣлаю къ нему...

И быстро побѣжалъ къ себѣ наверхъ.

На сценѣ въ это время, противъ обыкновенія, давно уже началось суетливое приготовленіе къ репетиціи. Сашка Макаровъ, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ и машиниста, и декоратора, и бутафора, и освѣтителя, и прочихъ отсутствовавшихъ администраторовъ сцены, подмалевывалъ какую-то тряпку огромныхъ размѣровъ съ неисчислимыми наклейками и заплатами на обратной сторонѣ, долженствовавшую изобразить на этотъ разъ венеціанскій дворецъ дожей. Тутъ же суетился съ метлой грязный, поделѣповатый, облѣзлый, старый театральннй сторожъ, онъ же и старшій надъ тремя рабочими по сценѣ, Трифонъ. Пыль стояла невообразимая, такъ что на разстояніи десяти шаговъ нельзя было различить Трифона отъ Сашки Макарова.

Съ девяти часовъ начали собираться актеры за-спанные, немытые, нечесаные, въ очень неприглядныхъ костюмахъ и, проходя осторожно, какъ тѣни,

исчезали гдѣ-то въ темнотѣ кулисъ. Нѣсколько позднѣе стали появляться болѣе опрятныя фигуры, и наконецъ послѣдними, къ десяти часамъ, прибыли дамы. Между тѣмъ, Василій Андреевичъ, самодовольно осмотрѣвши себя въ зеркало, перекрестился широкимъ крестомъ передъ огромнымъ иконостасомъ, поклонился съ глубокимъ вздохомъ ниже обыкновеннаго и рѣшительно направился въ гостиницу Соболева, гдѣ долженъ былъ остановиться знаменитый трагикъ,—представиться ему и просить пожаловать на репетицію.

Актеры тѣмъ временемъ встревоженно поглядывали другъ на друга, какъ бы спрашивая, что же это будетъ?

— Я играла, по крайней мѣрѣ, десять разъ Дедедемону и со Щегловымъ, и съ Петромъ Дмитриевичемъ, и съ Николаемъ Хрисанфовичемъ, и съ Корнелиемъ Николаевичемъ,—оставались довольны, говорила раздражительно мѣстная ingénue dramatique,—и вызывали ничуть не меньше ихъ... а сегодня... сегодня... просто руки трясутся... ночь не спала... кабы не пизда—за миллионъ не пошла бы... съ такимъ чортомъ... Придумалъ же Васька!

— Это вѣрно, что опасно. Говорить, Стрѣлкову въ Кіевѣ придушилъ-было до смерти... еле-еле отходили... проговорилъ кто-то изъ толпы.

— Царица небесная! прошептала лукавая комическая старуха.—Помилуй насъ Господи и сохрани!

— Ну, что ерунду городите, пробасилъ неуклюжій мѣстный трагикъ, отъ котораго разлило разными спеціями, только далеко не душистыми.—Актеръ, какъ актеръ... ничего онъ никому не сдѣлаетъ... А вотъ я никакъ не могу представить, какъ мы будемъ съ нимъ разговаривать,—вѣдь по-собачьи лаемъ, а мы по-своему. Неслыханное дѣло! Только Васька плѣшивый и могъ изобрѣсти такую штуку, сердито пробурчалъ трагикъ Вуйиосовъ, на этотъ разъ изображавшій Брабанціо въ „Отелло“.

— А это ужъ не мое дѣло! я буду говорить, когда мнѣ суфлеръ подскажетъ.

— Да вѣдь стихи...

— А хоть бы стихи... Что же я буду дѣлать? Я зоюскомоу языку не училась... я буду говорить свое и знать ничего не хочу.

— Нельзя не знать, невпопадъ отвѣтишь—помниай какъ звали, съ такимъ чортомъ! Видѣли, что на подѣздѣ-то намалевано Сашкой?..

— Видѣла, видѣла... Оставьте меня, ради Бога, и безъ васъ тошно... и примадонна отошла отъ Вуйиосова, бормоча про себя:—Смотри, самъ не налижись къ вечеру.

На сцену вошелъ торопливо взволнованный Василій Андреевичъ и, притворяясь величаво равнодушнымъ, сталъ совать нѣкоторымъ, впрочемъ меньшинству, свою пухлую руку. Затѣмъ онъ захопалъ въ ладоши, приказалъ суфлеру сѣсть въ будку и самъ сѣлъ у будки, сложивши руки на брюшкѣ, играя большими пальцами въ карусели.

Робко, опустивши глаза, пролѣзла со сцены захудалая фигура суфлера въ будку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прислонилась безпомощно головой къ оборванному войлоку, которымъ когда-то была обита будка, отдавшись всѣмъ существомъ своимъ на волю Божию. Были въ его жизни большія неприятности съ актерской братіей, да все не то, что теперь ему представлялось.

В. Далматовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

12 октября исполнилось десять лѣтъ со дня смерти одного изъ выдающихся французскихъ драматурговъ, Эмиля Ожье, родившагося въ Валансѣ 17 сентября 1820 года. Отецъ предъназначалъ его въ адвокаты, но примѣръ дѣда, извѣстнаго романиста Пиго-Лебрена, и собственное призваніе побудили его посвятить себя литературѣ. Ожье еще въ юношескомъ возрастѣ прибылъ въ Парижъ, гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ писцомъ въ конторѣ нотариуса. Въ 1844 году на сценѣ театра «Одеонъ» была дана его первая пьеса «Цикута» («La Ciguë») въ двухъ актахъ и въ стихахъ. Она имѣла огромный и вполне заслуженный успѣхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыла для Ожье двери Comédie Française, на сценѣ которой были послѣдовательно поставлены: «Un homme de bien», «L' avanturier» (1848) и «Gabrielle» (1849), увѣнчанная академіей. Всѣ эти пьесы, а также написанная для Рашели полуисторическая драма «Diane», «Philiberte» (1853), «La jeunesse» (1858) и «Paul Forestier» (1868) написаны стихами. Ожье занимался обработкою вполне современныхъ сюжетовъ и написалъ цѣлый рядъ сценическихъ произведеній въ прозѣ, въ которыхъ выказалъ замѣчательную наблюдательность. Ожье безпощадно бичевалъ въ своихъ произведеніяхъ слабости и пороки современнаго общества. Такой характеръ имѣютъ его драмы: «Le mariage d' Olympe», долженствовавшая служить вознаграженіемъ на «La dame aux Camélias» Дюма, «Le Gendre de Monsieur Poirier» (въ сотрудничествѣ съ Жюлемъ Сандо, имѣетъ и до сихъ поръ большой успѣхъ), «Les lionnes pauvres», «Les effrontés», и, наконецъ, «Les fils de Giboyer», напминающихъ Мольеровскаго «Тартюфа». Онѣ были разрѣшены цензурою лишь послѣ усиленныхъ просьбъ принца Жерома Наполеона. Изъ позднѣйшихъ произведеній Эмиля Ожье пользовались большимъ успѣхомъ: «Jean de Thonmeray», «Madame Caverlet», гдѣ онъ высказывается въ пользу развода и въ особенности «Les Four chambaults» (1878). Въ 1858 году Ожье состоялъ въ числѣ «безсмертныхъ» французской академіи. Въ 1868 году онъ былъ награжденъ командорскимъ крестомъ Почетнаго Легіона.

Дирекція Императорскихъ театровъ, вѣроятно, желая напомнить русской публикѣ о знаменитомъ французскомъ драматургѣ по случаю исполняющагося десятилѣтія со дня его смерти, возобновляетъ въ субботу 23 октября одну изъ его лучшихъ драмъ въ стихахъ «L' avanturier». Въ Парижѣ эта пьеса имѣетъ большой успѣхъ, благодаря прекрасному исполненію заглавной роли г-жею Гадень. У насъ же, если главная роль будетъ поручена, что весьма вѣроятно, г-жѣ Баретти, едва ли на долю пьесы достанется какой-нибудь успѣхъ.

Ю. М. вѣ.

Два съ половиною вѣка назадъ знаменитый Мазарини по поводу пьесы Фронды говорилъ, что пьесы не страшны. Болѣе ста лѣтъ назадъ авторъ «Женитьбы Фигаро» закончилъ свою безсмертную комедію словами: «Все кончается пьесой».

Нынѣшнее французское правительство не расположено слѣдовать этимъ поучительнымъ примѣрамъ: недавно въ одномъ изъ парижскихъ кафе-шантановъ полиція запретила новую шансонетку Антонэна Луи, только за то, что въ ней было сказано, что французская государственная колесница нуждается въ подмазкѣ; а на-дняхъ по распоряженію верховнаго суда былъ произведенъ обыскъ у популярнаго бретонскаго пѣвца Теодора Ботреля, почему-то оказавшагося подозрительнымъ.

Теодоръ Ботрель—личность не совсѣмъ заурядная. Онъ—уроженецъ Динара; всѣ Ботрели, съ незапамятныхъ временъ, были кузнецами, и молодой Теодоръ получилъ первоначальное воспитаніе въ отцовской кузницѣ. Въ одинъ прекрасный день ему вздумалось прѣхать въ Парижъ. Онъ явился туда, можно сказать, переполненный впечатлѣніями своего деревенскаго дѣтства,—и скоро съ вершины Монмартра цолились его оригинальные напѣвы, проникнутые свѣжимъ воздухомъ морскаго побережья, полей и сосновыхъ лѣсовъ. Эти безыскусственныя деревенскія пѣсни производили такое сильное, такое необычное впечатлѣніе, что ими увлекались даже такіе неблагодарные слушатели, какъ заведатая кафе-шантановъ, приходящіе туда только за тѣмъ, чтобы посмѣяться надъ разными пошлостями и сальностями. Пѣсни Ботреля глубоко хватали за душу, пробуждая въ ней давно забытые звуки,—что-то простое, доброе, религиозное... Въ нихъ сказывалась народная душа...

Пѣвецъ своей бретонской родины, вѣроятно, сохранилъ и въ республиканскую эпоху симпатіи Ванден. Во всякомъ случаѣ, это явленіе совершенно французское—шарсонетный пѣвецъ, въ качествѣ политическаго агитатора.

Робертъ Бракко написалъ новую драму: «Трагедія души». Пьеса тенденціозная, въ стилѣ и вкусѣ Дюма-сына. Въ сентябрѣ она шла во Флоренціи съ значительнымъ успѣхомъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТАГАНРОГЪ. Зимній сезонъ начать въ Таганрогѣ 26 сентября. Первый спектакль ожидался мѣстными театралми съ особымъ нетерпѣніемъ. Анонсируя о составѣ труппы для Таганрога, г. Синельниковъ включилъ сюда почти всѣхъ премьеровъ своей ростовской труппы. Были перечислены гг. Шуваловъ, Петипа, Анчаровъ-Эльстонъ, Петровскій, Владимовъ, г-жи Дарьяль, Петипа, Велизарій, Пониовская, Блюменталь-Тамарина, не считая г-жъ Юрьевой и Синельниковой и г. Глюске-Добровольскаго, приглашенныхъ исключительно для Таганрога. Самою собою, что такой блестящій составъ заинтересовалъ мѣстныхъ записныхъ театраловъ. На первый спектакль мѣста брались съ бою. Однако, спектакль сильно разочаровалъ таганрожцевъ. Была поставлена драма Шпажинскаго «Въ старыя годы» съ г. Шуваловымъ и г-жами Дарьяль и Синельниковой въ главныхъ роляхъ. Прежде всего самый выборъ пьесы оказался въ высшей степени неудачнымъ. Для начала можно было выбрать что-нибудь и болѣе талантливое, и болѣе литературное, чѣмъ пресловутая драма Шпажинскаго. Затѣмъ г. Шуваловъ, о талантѣ котораго такъ много говорили еще за долго до его появленія, также не всѣмъ понравился. Я не сомнѣваюсь, что г. Шуваловъ дѣйствительно артистъ съ крупнымъ дарованіемъ, не сомнѣваюсь потому, что объ этомъ свидѣлствуютъ единодушные отзывы печати. Но я положительно отказываюсь понять, чѣмъ руководствовался г. Шуваловъ, избравъ роль Рахманова для своего перваго дебюта. Не можетъ быть, чтобы это была его лучшая роль. Я даже думаю, что это совсѣмъ не его роль. Рахмановъ смѣлъ, гордъ и обаятеленъ. Онъ полонъ жгучей страсти, когда охваченъ любовью къ женщицѣ, и страшенъ, когда проявляетъ необузданные порывы гнѣва. Совсѣмъ не такимъ изобразилъ его г. Шуваловъ. Публика увидѣла какого-то добраго, грузнаго «папашу», не совсѣмъ умѣло притворяющагося то страстнымъ любовникомъ, то грознымъ сумасбродомъ. Было ясно, что г. Шуваловъ заблуждается, считая роль Рахманова своею коронною ролью. А въ этомъ нѣтъ сомнѣній, такъ какъ артистъ въ этой же роли выступилъ и въ Ростовѣ. Г-жа Дарьяль взяла на себя роль Клавдіи и также вызвала скорѣе недоумѣніе. Ей не удалось ни народный говоръ, необходимый для бытовыхъ ролей, ни сценныя режиссерскія, ни сильно драматическія мѣста. Для втораго спектакля была поставлена «Симфонія» Чайковскаго съ г-жею Юрьевой и г. Чаринымъ въ главныхъ роляхъ. Въ этомъ же спектаклѣ принималъ участіе и г. Петровскій, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ артистовъ ростовской труппы. Пьеса прошла гораздо лучше, чѣмъ первая. Г-жа Юрьева, артистка преимущественно комедійная, а не драматическая, превосходно хотя безжалостно играла Елену Протичъ. Въ ея исполненіи это сухая, бездушная и злая старѣющая интриганка, всю свою сценическую карьеру создавшая путемъ рекламы, подкупа, интригъ и постоянного угодничества предъ рецензентами мелкой прессы. Она особенно подчеркнула именно эту сторону, отодвинувъ на задній планъ разнузданную чувственность перезрѣвшей прелестницы. По поводу такого толкованія можно спорить, но оно все-таки было выдержано до конца. Г-жа Юрьева, какъ артистка на роли grande coquette, сдѣлала несомнѣнно большіе успѣхи за послѣдніе два года. Но что касается ея главнаго ампула, т. е. ролей драматическихъ героинь, то мнѣ кажется, придется остаться при прежнемъ мнѣніи, за которое въ 1897 г. артистка такъ сильно разгнѣвалась на меня. По крайней мѣрѣ, въ роли Волицевой («Цѣпи»), въ которой я видѣлъ на-дняхъ ее въ Ростовѣ, артистка не произвела должнаго впечатлѣнія. Въ сильныхъ мѣстахъ у нея не хватаетъ ни глубины чувства, ни теплоты, ни драматическаго захвата,—холодомъ вѣетъ отъ такого исполненія. Зритель остается спокойнымъ и безучастнымъ. Я, однако, не рѣшаюсь сдѣлать окончательнаго вывода объ успѣхахъ г-жи Юрьевой какъ драматической героини за послѣдніе годы. И такъ г-жа Юрьева превосходно справилась съ ролью Елены Протичъ и имѣла большой успѣхъ. Г. Чаринъ игралъ Ладоина. Это еще совсѣмъ молодой артистъ—неопытный, угловатый, неумѣренно порывистый, но несомнѣнно и съ «огонькомъ» и съ чувствомъ. Мнѣ лично артистъ понравился своею искренностью, но въ публикѣ и особенно среди членовъ театральнаго комисіи раздавались протесты на то, что въ Ростовѣ-де г. Чаринъ игралъ вторыя роли, а къ намъ перешелъ на первыя. Но въ этомъ нѣтъ ничего зазорнаго ни для г. Синельникова, ни для г. Чарина. Г. Синельникову даже дѣлаетъ честь, что онъ даетъ ходъ молодымъ артистамъ съ несомнѣнными сценическими способностями. Вообще, наша театральная комиссія, столь снисходительная къ прежней антрепренершѣ г-жѣ Строгановой, стала слишкомъ придирчива къ г. Синельникову. Ей не нравится и драматическая ingénue г-жа Синельникова. Между тѣмъ г-жа Синельникова играетъ съ чувствомъ, искренне и тепло. Въ ней много опыта, чувства мѣры и сценическаго такта и во всякомъ случаѣ, такая артистка желательна для всякой провинціальной сцены.

Однако мой первый отчетъ общасть затануться до безконечности и потому я спѣшу кончить. Третій спектакль былъ поставленъ для г. Петипа, который выступилъ опять въ «Гувернеръ». Публики было мало. Затѣмъ шелъ «Ревизоръ» съ г. Синельниковымъ въ роли Хлестакова, гг. Добровольскимъ—Городничего и Петровскимъ—Осипа. Наконецъ, была поставлена комедія Дюма «Подусвѣтъ» съ г-жей Юрьевой и г. Петипа въ главныхъ роляхъ. Послѣднія два спектакля сдѣлали полные сборы. На этой недѣлѣ пойдутъ: «Дядя Ваня» (Шуваловъ), «Новый міръ» (г-жи Юрьева, Синельникова, гг. Анчаровъ-Эльстонъ и Петровскій) и «Заза» (г-жа Юрьева и г. Анчаровъ-Эльстонъ).

А. Борисовъ.

РИГА. Русскій драматическій театръ въ Ригѣ вотъ уже третій годъ находится въ рукахъ мѣстнаго «Драматическаго Общества». Довѣренныя отъ общества по набору труппы на зимній сезонъ были въ 1-й годъ—В. В. Шумилинъ, во 2-й—С. М. Ратовъ. Въ этомъ году уполномоченнымъ режиссеромъ явился Г. И. Матковский и составилъ труппу изъ слѣдующихъ персонажей: г-жи Рахманова (драмат. роли и героиня), Полякова (ingénue dramatique), Самарина (ingénue comique), Богучарова (grande coquette), Пивоварова (grande dame), Нининская, Пименова и Озерова (комическія старухи), Рытова (на бытовья) роли и Марченко-Петрова (2-я роли); гг. Діевскій (драматич. любовникъ), Матковский (драмат. резонеръ и герой), Ильковъ (характерныя роли), Кондратьевъ (комикъ-буффъ), Молчановъ (простакъ), Свитовъ (2-й любовникъ), Кастровскій (2-й комикъ), Никитинъ, Назаровъ и Страховъ—на вторыя роли.

Спектакли ставятся три раза въ недѣлю, по средамъ, пятницамъ, и воскресеньямъ.

Для открытія сезона 1-го октября былъ поставленъ «Ревизоръ» (гг. Ильковъ—Городничій и Діевскій—Хлестаковъ) и прошелъ при полномъ сборѣ (530 рублей). Вторій спектакль—«Татьяна Рѣпина»—шелъ для дебюта г-жи Рахмановой и тоже далъ около 500 рублей. Затѣмъ были поставлены «Доходное мѣсто» для г. Діевскаго «Ложь» и «Старый закалъ» для г. Матковского (Олгинъ).

Театръ-коробочка—по прежнему находится въ помѣщеніи русскаго клуба «Улей». Въ недалекомъ будущемъ ожидаютъ постройки новаго театра: для него уже отведено мѣсто и приступлено къ землянымъ работамъ.

По распоряженію администрации, въ театрѣ введены нѣкоторые новые порядки: 1) при выходѣ изъ театральнаго зала посѣтитель получаетъ отъ капелдиреровъ контрамарку, которую, возвращаясь, отдаетъ обратно, 2) во время дѣйствія входить въ залъ воспрещается и потому мѣста должны занимать заблаговременно и 3) во время хода пьесы артисты на вызовы не выходятъ. Начало спектаклей обязательно въ 7 часовъ вечера.

Кромѣ русскаго театра «Улей», рижскимъ драматическимъ обществомъ снято помѣщеніе для театра въ г. Митавѣ, куда рижская труппа будетъ ѣздить разъ въ недѣлю и давать тамъ спектакли. Первый спектакль предполагается 12-го октября. Будетъ поставлена пьеса Потаненко «Чужіе», а затѣмъ въ среду, 13-го—повторена въ Ригѣ.

Провѣздъ и мелкіе расходы по путешествію артистовъ въ Митаву и обратно дирекція, конечно, принимаетъ на себя.

Дилетантъ.

РЯЗАНЬ. 29 сентября, у насъ открытъ зимній сезонъ труппою драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Заирова; давалась драма «Цѣна жизни» Вл. И. Нем.-Данченко, съ г-жею Кварталовой-Пальминой въ роли Анны Викторовны; роль Клавдіи играла г-жа Нолькенъ-Страхова довольно неровно. Роль Даниила Демурина игралъ г. Заировъ съ достаточной экспрессіей, мѣшала впечатлѣнію слишкомъ стройная для пожилого человѣка фигура артиста. Маленькую роль Александра Морского сильно передалъ г. Поплавскій. Г. Бахчисарайцеву удалась резонерская роль ученаго Солончикова. Не совсѣмъ естественнымъ казался г. Михайловъ въ роли студента Николая Демурина.

Театръ далеко не былъ полонъ.

М—нъ.

КАЗАНЬ Первый мѣсяцъ сезона казанской русской оперы закончился. Въ теченіе мѣсяца были даны слѣдующія оперы: 5-го—«Жизнь за Царя», 6-го—«Евгеній Онѣгинъ», 8-го—«Аида», 9-го—«Демонъ», 10-го—«Фаустъ», 12-го утромъ—«Русланъ и Людмила», вечеромъ—«Князь Игорьъ», 15-го—«Пиковая дама», 16-го—«Мавепа», 17-го—«Тангейзеръ», 19-го утромъ—«Демонъ», вечеромъ—«Гугеноты», 20-го—«Снѣгурочка», 21-го—«Карменъ», 22-го—«Трубадуръ», 23-го—«Русланъ и Людмила», 24-го—«Жидовка», 26-го утромъ—«Снѣгурочка», вечеромъ—«Фаустъ», 27-го—«Галька», 28-го—«Евгеній Онѣгинъ» и 29-го—«Демонъ». Цѣна на утренніе спектакли, а также и даваемые по понедѣльникамъ была уменьшена. Кстати отъѣхъ и другихъ цѣнахъ, т. е. обыкновенныхъ и уменьшенныхъ. Обыкновенныя цѣны таковы: Ложи отъ 5 р. 50 к. и до 10 р. 50 к.; кресла отъ 1 р. 35 к. до 3 р. 10 к., прочія мѣста отъ 27 к. до 1 р. 10 к.,—а уменьшенныя: ложи отъ 4 р. 50 к. до 8 р. 50 к.; кресла отъ 80 к. до 2 р. 10 к., прочія мѣста отъ

17 к. до 65 к. Кромѣ того—для учащихся установлена льгота по которой они платятъ за входъ въ свободныя ложи и въ партеръ по 50 к. за билетъ и, во всѣ какъ среднія, такъ и низшія мужскія и женскія учебныя заведенія на утренніе, праздничные спектакли посылаются бесплатныя билеты и ложи, и кресла, такъ что по утрамъ въ театрѣ болѣе половины мѣств занимаютъ учащимися бесплатно. Теперь «Товарищество» рѣшило устраивать еще болѣе дешевые спектакли—для народа, но о нихъ сообщимъ послѣдствіемъ.

Переходимъ къ исполнителямъ.

Г-жа Левандовская, наше драматическое сопрано,—служитъ въ Казани второй зимній сезонъ. Артистка обладаетъ сильными голосовыми средствами, но лишена темперамента. Г-жа Полякова, — впервые выступила на нашей сценѣ; обладаетъ красивымъ гибкимъ голосомъ, но по части темперамента также не вполне удовлетворительна. Высокія ноты беретъ не свободно. Впрочемъ, артистка, видимо, много работаетъ и успѣла ея ростеть. Выступила она на нашей сценѣ въ партіи Татьяны, въ «Евгеній Онѣгинъ» и прежде всего поразила наше зрѣніе, явившись въ «блукоромъ парикъ»... Затѣмъ, сцену письма провела слабавато. Но при повтореніи той же оперы была уже въ черномъ парикѣ и сцену письма провела прекрасно. Г-жа Пасхалова—молодая, начинающая пѣвица. До Казани пѣла только въ Москвѣ, въ театрѣ Солодовникова. Въ Казани выступила въ партіи Маргариты, въ «Фаустъ», затѣмъ пѣла—Прилѣпу—въ «Пиковой дамѣ», Маргариту Валуа—въ «Гугенотяхъ», Снѣгурочку—въ «Снѣгурочкѣ», Людмилу—въ «Русланъ и Людмилѣ», принцессу Евдокію—въ «Жидовкѣ» и Антониду—въ «Жизни за Царя». Голосъ у ней не большой, но красивый, хрустально-чистый и симпатичный, проникающій въ душу. Играетъ также прекрасно. У артистки, по нашему мнѣнію, большая будущность, если она не поддастся похваламъ и будетъ работать надъ своимъ симпатичнымъ дарованіемъ. Наружность очень сценическая, лицо выразительное, мимика богатая. Г-жа Томская—меццо-сопрано пользовалась всегда и всюду любовью публики и вполне заслуженной—благодаря чудному голосу и прекрасному сценическому дарованію. Пѣла въ Казани въ 1895 году и еще съ того времени, оставила по себѣ свѣтлую память. Г-жа Гурвичъ-Петрова—контральто изъ довольно бѣдноватыхъ. Г-жа Ковельская—ученица школы пѣнія Л. М. Люценко, мѣстная уроженка; много разъ пѣла въ концертахъ не безъ успѣха. Минувшій сезонъ служила въ Перми. Еще не можетъ быть названа законченной артисткой. Г-жа Майкова—выступила случайно, въ партіи Людмилы—въ «Русланъ», за болѣзнь Пасхаловой. Пропѣла свою красивую партію недурно, хотя колоратура ея развита слабо. Г-жа Горина—наша комприарио—второе сопрано. Безъ ея участія не обходится ни одна опера. Очень полезная артистка.

Перехожу къ мужскому персоналу. Наши тенора: Гг. Агнiewiczъ—драматическій и Агульникъ, лирический—не пользуются особою любовью публики. Г. Агнiewiczъ злоупотребляетъ высокими нотами, беретъ ихъ крикливо и драматизмъ исполненія не изъ высокыхъ; г. Агульникъ—поетъ музыкально, но, по временамъ, во время пѣнія съ нимъ происходитъ что-то неладное—словно спазма сжимаетъ ему горло и голосъ его становится не слышимымъ, такъ напр. было въ партіи «Фауста». Г. Булатовъ—лирико-драматическій теноръ. Поетъ въ Казани въ первый разъ. Голосъ рѣзковатъ; почти не разработанъ. Но по немногу становится любимцемъ публики за свое дарованіе. Г. Эрнестъ—лирический теноръ. Голосъ не большой, но гибкій, симпатичный, видимо много и усердно работаетъ надъ собою и завоевываетъ симпатіи публики. Баритоны: гг. Кругловъ и Петровъ, драматическіе баритоны—живутъ прежними симпатіями публики, такъ какъ оба не одинъ сезонъ служили у насъ, но г. Кругловъ, видимо, живеть, главнымъ образомъ, прошлою славою, ибо голосъ его началъ уже клониться къ упадку, напротивъ того, г. Петровъ все болѣе и болѣе чаруетъ слушателей своимъ бархатнымъ голосомъ. Г. Полюновъ—пѣвецъ молодой, еще не вполне установившійся. Г. Островидовъ-Тассинъ—басъ—голосъ не силенъ и со слабыми нижними нотами. Игра удивительно странная: хорошъ напр. въ партіи Сусанина, великолѣпенъ въ Кардиналъ Броньи, но былъ только что сноснымъ Марселемъ и очень слабымъ Мефистофелемъ. Г. Акимовъ—басъ. Дивно поетъ въ Казани почти только одни вторыя басовыя партіи. Полезный исполнитель. Ну вотъ и все. Правда, два раза участвовалъ въ нашей оперѣ басъ Парамоновъ; пѣлъ партіи Гремина въ «Евгеній Онѣгинъ» и Колгана въ «Князь Игорьъ», но уѣхалъ въ Петербургъ. Жаль—онъ былъ бы далеко не лишнимъ на нашей сценѣ.

Оркестръ прекрасно ведется г. Палицинымъ, а режиссерская часть г. Гельротъ. Оперы обставляются прекрасно—декорации очень хороши.

Казанецъ.

НИВЪ. Открытій зимняго сезона драматическихъ спектаклей въ театрѣ Н. Н. Соловцова, состоявшееся 29 октября, далеко не отличалось той торжественностью, какой сопровождалось открытіе въ прошломъ году.

Пьеса Островскаго («Лѣсъ») и первый выходъ г. Басту-

нова привлекли очень мало публики. Молебствие предъ открытiемъ сезона не состоялось, такъ какъ приглашенный священникъ отказался служить молебень въ зданiи, въ которомъ происходитъ «бѣсовскiя развлечения».

Не всѣ пастыри смотрятъ, однако, такимъ образомъ. Такъ, другой кiевскiй пастыръ недавно совершилъ молебствие предъ открытiемъ спектаклей гастролирующей здѣсь московской оперетки. Желательно было бы знать взглядъ высшихъ духовныхъ сферъ на этотъ вопросъ.

Со дня открытiя (29 сентября) по 9 октября были поставлены: «Лѣсъ», «Баба» (первый выходъ г. Скуратова), «Блестящая карьера», «Лѣсъ» (первый утренний спектакль), «Флиртъ», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Какъ поживешь, такъ и прослынешь» (съ г-жею Пасхаловой), «Друзья дѣтства», «Байбакъ» (второй выходъ г. Скуратова) и пресловутый «Измаиль» (26-й разъ).

Г. Бастунову у насъ въ Кiевѣ не везетъ: не понравился онъ публикѣ при первомъ своемъ выходѣ въ роли Несчастливцева, не понравился онъ и въ послѣднемъ спектаклѣ въ роли Бухаринскаго Потемкина.

Знакомый петербургцамъ г. Скуратовъ съ успѣхомъ выступилъ въ «Бабѣ» и въ «Байбакѣ»: къ сожалѣнiю, «Баба» на кiевской сценѣ не производитъ того впечатлѣнiя, какое получилось отъ этой пьесы на столичной сценѣ въ исполненiи того же г. Скуратова. Объясняется это, конечно, не тѣмъ, что г. Скуратовъ въ Кiевѣ исполняетъ роль Гремухина слабѣе, чѣмъ игралъ ее въ Петербургѣ, но тѣмъ, что Алена (г-жа Чужбинова) не являетъ ничего характернаго, типичнаго и расхоложиваетъ Гремухина и зрителей.

Выходъ г-жи Пасхаловой въ роли Маргариты Готье прошелъ противъ ожиданiя безъ всякихъ исторiй. Партия «негодующихъ» готовилась выразить героинѣ трагическаго «эпизода» шумный протестъ, но партiи «симпатизирующихъ артисткѣ» удалось предотвратить демонстрацiю. Во всякомъ случаѣ это было единственныи спектакль, собравшiй довольно много публики; вообще же, спектакли идутъ при слабыхъ сборахъ.

Зато гастролирующая у насъ теперь московская оперетка г-жи Морской дѣлаетъ болѣе 1000 рублей на кругъ, словомъ, антреприза довольно кiевлянами, а кiевляне довольно опереткой.

15 октября пойдетъ въ первый разъ въ Кiевѣ «Царь Ѳеодоръ Иоанновичъ».

25 октября состоится концертъ г. Сливинскаго, на 2-е ноября объявленъ концертъ г-на Ауэра и г-жи Есиповой.

Р-ичъ.

ПЕРМЬ. Театральный сезонъ у насъ открылся 12 сентября оперой «Жизнь за Царя». Надежды меломановъ были нѣсколько омрачены неудачнымъ дебютомъ г-жи Енишерловой въ роли Антонины. Вторымъ спектаклемъ шла «Аида» и съ перваго же номера «Милая Аида» успѣхъ оперы шелъ crescendo. Третьимъ спектаклемъ шла «Русалка», потомъ «Евгенiй Онѣгинъ», «Гугеноты», «Трубадуръ», «Фаустъ», «Карменъ» и «Самсонъ и Далила». Изъ женскаго персонала слѣдуетъ прежде всего отмѣтить г-жу Джубелини-Ряднову. Большой красивый голосъ, отличная школа, темпераментъ, художественное исполненiе партiй. Даже фразировка (на русскои языкѣ) и та заслуживаетъ похвалы. Выступившая въ «Гугенотахъ» въ роли королевы — г-жа Эйгенъ, сразу завоевала симпатiи публики. Голосъ артистки поражаетъ своею свѣжестью и технической отдѣлкой. Трели, staccato — все это верхъ изящества и школы. Меццо-сопрано г-жа Лидина служитъ уже 2-ой сезонъ и пользуется неизмѣнной симпатiей публики. Красивый, легкой, голосъ, ровный во всѣхъ регистрахъ, благодарная внѣшность, — таковы ресурсы этой артистки. Г-жа Храповицкая — контраalto, обладаетъ недурнымъ голосомъ, но еще недостаточно опытна на сценѣ. Изъ мужскаго персонала, впереди всѣхъ слѣдуетъ поставить г. Образцова. Не особенно большой, мягкаго тембра голосъ, прекрасная фразировка, изящная, обдуманная, мѣстами художественная игра, сразу расположили публику. Первый выходъ его въ «Евгенiя Онѣгинѣ» былъ удаченъ и арию «Вы мнѣ писали», артистъ биссировалъ. Затѣмъ изящный Неверъ, типичный жрецъ въ «Самсонѣ» и прехвосходный Валентинъ. Другой баритонъ г. Амрджанъ — имѣетъ большой голосъ, съ прекрасными верхними нотами, но медiумъ мало звученъ. Тенорами въ этомъ году публика вполне довольна. Первый выходъ г. Рѣзунова состоялся въ «Аидѣ». Выходную арию артистъ биссировалъ. Прехвосходно удался ему дуэтъ съ Аидой и Амнерисъ, особенно послѣднiй актъ «Прощай земля» былъ спѣтъ весь mezzo-voce, съ большимъ чувствомъ и вкусомъ. Роль Рауля въ «Гугенотахъ» еще недостаточно отдѣлана. Другой теноръ г. Арцимовичъ обладаетъ звучнымъ голосомъ и пользуется успѣхомъ. Изъ басовъ слѣдуетъ отмѣтить г. Сангурскаго: не обладая выдающимися голосовыми средствами, артистъ увлекаетъ своей игрой, богатствомъ мимики, фразировки и темперамента. Г. Гагаенко обладаетъ феноменальнымъ басомъ, но, къ сожалѣнiю, у артиста мало школы, и роли недостаточно разработаны. Басъ Шейнъ — очень музыкальный и толковый исполнитель небольшихъ партiй. Г. Ильющенко — отличнiй исполнитель вторыхъ теноровыхъ партiй. Капельмейстеръ М. М. Голинкинъ, дирижирующiй первый годъ, оказался хорошимъ ка-

пельмейстеромъ. Режиссеръ г. Боголюбовъ толково, съ полнымъ пониманiемъ дѣла ставитъ спектакли. Народныя массы, общiе ансамбли, планировка дѣйствующихъ лицъ, установка сцены все это показываетъ глубокое знанiе и любовь къ своему дѣлу. Въ заключенiе не могу не указать на курьезное отношенiе мѣстной газеты «Пермскiя Губернскiя Вѣдомости» къ театру. Музыкальное пониманiе этой газеты не блещетъ особеннымъ богатствомъ. Напримѣръ, говоря объ исполненiи роли Сенъ-Бри, г. рецензентъ, въ IV актѣ «Гугенотъ», находилъ новую «знаменитую» арию «у Карла есть враги», которую до сихъ поръ еще не написалъ Мейерберъ! Какъ курьезъ прилагаю и эту рецензiю, чтобы вы видѣли, какъ у насъ пишутъ исторiю».

К-ская.

КИШИНЕВЪ. Повидимому, не суждено нашему городу имѣть городской театр. Хотя вотъ уже годъ какъ рѣшили постройку городского театра, но до сихъ поръ наша дума все ищетъ да ищетъ архитекторовъ и предпринимателей. А пока въ Кишиневѣ нѣтъ никакихъ развлеченiй, кромѣ устраиваемыхъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ мѣстными любителями въ театрѣ мѣстнаго цирклодрома.

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ. Открытiе сезона въ г. Елисаветградѣ состоялось 22 сентября пьесой «Девятый валъ». Дирекцiя В. В. Несмѣльскаго. Составъ труппы: г-жи Е. П. Муратова — драматическая героиня, Е. И. Стрѣлкова — драматич. и комич. ingénue, Е. А. Кудрявцева — драмат. и комич. старуха, М. М. Халатова воевелили съ пѣнiемъ, А. Л. Струсь — грандъ-кокетъ ingénue com., М. А. Волянская — грандъ-дамъ, М. Д. Каншина — комическая старуха, А. Т. Бравская — 2-я ingénue, А. П. Соловьева, А. И. Журавлева, О. П. Петрова — вторыя роли; гг. В. В. Несмѣльскiй — любовникъ-герой, С. С. Митрофановъ — драматич. резонеръ, А. Ф. Анатольскiй — любовникъ-фатъ, Н. П. Холминъ — комикъ и характ. роли, Н. Н. Николаевъ — прост. и воевелили съ пѣнiемъ, И. Н. Коничъ — комикъ-простакъ, М. В. Горскiй — 2-й любовникъ и молод. характ. роли, В. А. Сталинъ — резонеръ, А. К. Стефановичъ — 2-й комикъ-резонеръ, Д. С. Семченко — молод. людей, А. П. Никитинъ, Н. Я. Яковлевъ, П. П. Семеновъ — вторыя роли. Театръ и сцена отдѣланы заново.

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ.

съ 18-го октября по 1-е ноября 1899 г.

Александринскiй театр. 18-го окт. «Борцы». — 19-го «Девятый валъ». — 21-го Гимнъ «Боже, Царя храни!»; Въ 1-й разъ: «Биронъ». — 22-го «Шутники». — 24-го — Утромъ: «Ревизоръ», Вечеромъ: «Волки и овцы». — 25-го «Биронъ». — 26-го «Девятый валъ». — 27-го «Шутники». — 28-го «Биронъ». — 29-го «Свѣтитъ да не грѣетъ». — 31-го — Утромъ: «Холостякъ». — «Завтракъ у предводителя». — Вечеромъ: «Безприданница».

Михайловскiй театр. 18-го окт. «Une famille». — 19-го «Une famille». — 21-го «Hymne national». «Une famille». — 22-го «Вторая жена». — 23-го «L'aventurière». — 24-го «Друзья». — 25-го «L'aventurière». — 26-го «L'aventurière». — 27-го «Вторая жена». — 28-го «L'aventurière». — 29-го «Вторая жена». — 30-го «La samaraderie». — 31-го «Тартюфъ».

Маринскiй театр. 18-го «Тангейзеръ». — 19-го «Пиковая дама». — 21-го Гимнъ: «Боже, Царя храни!»; «Князь Игорь». — 22-го «Евгенiй Онѣгинъ». — 24-го — Утромъ «Русалка», Вечеромъ: «Дочь Фараона». — 25-го «Князь Игорь». — 26-го «Пиковая Дама». — 27-го «Князь Игорь». — 28-го — «Тангейзеръ». — 29-го «Карменъ». — 31-го Утромъ: «Евгенiй Онѣгинъ». — Вечеромъ: «Конекъ Горбунокъ».

РЕПЕРТУАРЪ Московскихъ Императорскихъ театровъ:

Большой театр. 11-го «Макавей». — 12-го «Ромео и Джульетта». — 13-го «Спящая красавица». — 14-го «Дубровскiй». — 15-го «Князь Игорь». — 17-го въ 1-й разъ по возобн. «Волшебный башмачекъ» («Сандрильона»). — 18-го «Дубровскiй». — 19-го «Русланъ и Людмила». — 21-го «Опричникъ». — 22-го «Макавей». — 24-го «Волшебный башмачекъ».

Малый театр. 11-го октября «Идиотъ». — 12-го «Волки и Овцы». — 13-го «Эгмонтъ». — 14-го «Идиотъ». — 15-го «Старые счеты». — 17-го «Галанты и поклонники». — 18-го «Идиотъ». — 19-го «Бѣшенныя деньги». — 21-го «Старые счеты». — 22-го «Плоды просвѣщенiя». — 24-го «Послѣдняя жертва».

Новый театр. 11-го октября «Сонъ въ лѣтнюю ночь». — 12-го «Забава». — 13-го «Лючiя». — 14-го — въ 1-й разъ: «Донна Дiана». — 15-го «Сонъ въ лѣтнюю ночь». — 17-го утромъ: «Василиса Мелентьева». — Вечеромъ — «Евгенiй Онѣгинъ». — 18-го «Донна Дiана». — 19-го «Сонъ въ лѣтнюю ночь»; 21-го «Забава». — 22-го «Сонъ въ лѣтнюю ночь». — 24-го утромъ: «Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ». — Вечеромъ: «Евгенiй Онѣгинъ».

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

Значительно обновленный составъ труппы: Е. Г. Кони-Стрѣльская, М. Н. Воронцова-Ленни, М. С. Брянская-Коврова, Е. Л. Легать, Е. М. Грановская, Э. П. Нелидова, Е. Л. Ставилевичъ, Е. А. Мосолова, Н. П. Тенишева, А. К. Добровольская, О. М. Полякова, О. П. Снѣжина, О. П. Мельникова, Е. П. Колышева, Л. И. Зорина, Е. А. Янова, Е. М. Погребова, Н. Д. Дмитриева, В. Д. Ларина, Е. М. Гарина, Е. М. Гравина, О. М. Явъ, Т. И. Тавина, З. Л. Викторова, М. И. Марусина, Е. А. Дубровская, А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій, С. Ф. Сабуровъ, В. Я. Грѣховъ, Д. И. Васмановъ, А. Д. Каменскій, Г. Г. Яковлевъ, В. М. Фокинъ, Н. В. Муратовъ-Лирскій, Г. И. Вестеръ, В. Н. Василевъ, И. И. Павловъ, П. Н. Щепкинъ, Н. О. Константиновъ, Н. Н. Калита, П. П. Рудинъ, Н. В. Радинъ, И. М. Вороиковскій, К. С. Костинъ, Ф. Г. Николаевъ, М. Г. Петровъ, А. М. Иртеневъ, С. С. Артюрь, Л. А. Камышевъ.

Репертуаръ: Въ воскрес., 17-го октября: 1) „Господинъ директоръ“; 2) „Дама отъ Максима“. Понед., 18-го: 1) „Женская хитрость“; 2) „Подайте мнѣ ребенка“. Вторникъ, 19-го: 1) „Мужъ охотится“; 2) „Дама отъ Максима“. Четвергъ, 21-го: 1) „Женская хитрость“; 2) „Подайте мнѣ ребенка“. Пятница, 22-го: 1) „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“; 2) „Дама отъ Максима“. Суббота, 23-го: 1) „Злой духъ“; 2) „Холодные души“.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Масса новинокъ. Новая обстановка.

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлила, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаютъ по первому требованію

аптекарскій складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

Миндальный кремъ (Crème d'amandes)
ГОЛЛЕНДЕРА

вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя огруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ нѣжную и раздражительную кожу, не выносящую мыла.

Миндальный кремъ никогда не портится.

При употребленіи миндального крема, лицо надолго сохраняетъ свою нѣжность и свѣжесть.

Банка въ 1 р., 60 к. и 30 к.

МЫЛО ИЗЪ МИНДАЛЬНОГО КРЕМА

Нѣннѣйшее по составу, съ приятнымъ ароматомъ. Кусокъ 50 коп.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Остерегаться поддѣлокъ и подражаній. Обратитъ вниманіе на фирму:

Торговый домъ, „Парфюмерная Лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“:

С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13, 215 (г.—5).

Ц. Триневская.

О Г О Н Ъ К И

Разказы, стихотворенія, пьесы: („Трудовой день“, „Урокъ танцевъ“, „Первая греза“, пьеса для развѣзда, „Письмо“).

Цѣна 1 руб.

Выписывающіе изъ конторы «Театръ и Искусство» за пересылку не платятъ.

Въ залѣ Городскаго Кредитнаго Общества

въ среду, 27-го Октября, состоится

КОНЦЕРТЪ
Скрипача ГРИГОРОВИЧА.

Начало въ 8 час.

Билеты отъ 6 руб. до 1 руб. продаются въ музык. магазинѣ М. Бернгардъ, Б. Морская, 26,

съ 10-ти до 5-ти час. вечера.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметина А. ЭНГЛУНДА.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп.

Остерегаться поддѣлокъ. Требуется подпись А. Энглундъ красными чернилами. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговыхъ Россійской Имперіи.

Въ конторѣ журнала

„Театръ и Искусство“
ПРОДАЕТСЯ СБОРНИКЪ

Комедій и фарсовъ

А. ф. Крюковскаго.

«Кокоша и Тотоша», «Денежные тузы», «Сынъ на прокатъ», «Ритта», «Передъ завтракомъ», «Замороженная теща», «Хлестаковъ на водахъ».

Цѣна 3 р.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку не платятъ.

Вышелъ въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

роскошно иллюстрированный

А Л Ь Б О М Ъ

„НАШИ АРТИСТКИ“.

Вып. II-й

Л. Б. ЯВОРСКАЯ.

Критико-биографическій этюдъ

Ю. Д. БѢЛЯЕВА.

Цѣна 1 руб.

Изданіе СПБ. Товарищества «Трудъ».

Складъ изданія: Фонтанка, 86.

№ 250 (3—3)